

№11
Ноябрь 2018

РУССКИЙ КЛУБ

Стр. 37

**ВЕРНЫЙ СВОИМ
ПРИНЦИПАМ**

75

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№11⁽¹⁵⁷⁾
Ноябрь 2018

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ВИД С НЕВСКОГО ПРОСПЕКТА НА ДОЛИНЫ РОДИНЫ
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ
- 14 «ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ЛЮБВИ...»
- 17 ПАПИНА ДОЧКА
НИНА ШАДУРИ
- 20 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 26 ДЕСЯТАЯ ЖИЗНЬ ТБИЛИССКОЙ МЕЛЬПОМЭНЫ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 34 ГРУЗИНСКИЕ «КАНИКУЛЫ» АНДРЕЯ ЗВЯГИНЦЕВА
АНАСТАСИЯ ХАТИШВИЛИ
- 37 ВЕРНЫЙ СВОИМ ПРИНЦИПАМ
ИНГА БЕРИДЗЕ
- 40 ЗОЛОТАЯ КАРЕТА ДЛЯ ЛЮДМИЛЫ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 44 АРТИСТ – ЭТО ЧИСТЫЙ ЛИСТ
- 45 СВЕТЛЫЙ ТАЛАНТ
- 46 О ЦАРЕВНЕ-ЛЯГУШКЕ, ВАСИЛИСЕ ПРЕМУДРОЙ,
ИВАНЕ-ЦАРЕВИЧЕ, СТАРИЧКЕ И ДРУГИХ
АРХИМАНДРИТ АДАМ АХАЛАДЗЕ
- 48 «РОМАНТИЧЕСКАЯ ПРЕЛЕСТЬ» ДУШИ
МАРИЯ ФИЛИНА
- 52 ТЕАТР ТАМАЗА ЧИЛАДЗЕ
НОДАР ГУРАБАНИДЗЕ

На обложке – **Темур Чхеидзе**
Фото: Гога Чанадири

ОТ ДО

— Роб АВАДЯЕВ

СЭНДВИЧ МОНТЕГЮ

Есть шутовское историческое проклятье: «Ты, Цезарь, станешь салатом, а ты, Наполеон, тортом». Конечно же, знаменитые полководцы остались в истории вовсе не из-за кулинарных изысков, а благодаря своим победам, чего не скажешь о нашем сегодняшнем герое. Он-то запомнился именно своим вкладом в мировую кухню, хотя и был не самым захудалым персонажем своего поколения – английский аристократ лорд Джон Монтегю четвертый граф Сэндвичский был и первым лордом Адмиралтейства Великобритании, и видным дипломатом, и советником короля, и влиятельным членом, а после Государственным секретарем Северного департамента. А еще он был заядлым картежником. Правда, не всегда удачливым. Как-то раз он, тогда еще совсем молодой человек, изрядно проигрался, а его сильно рассердившиеся родственники денег расплатиться не дали. Монтегю, не зная что делать, сильно огорчился, но на помощь пришел сам Его величество Георг II. Он тоже в молодости сильно не ладил со своим строгим отцом и решил помочь симпатичному молодому при-

дворному, отправив его в долгую дипломатическую командировку. Угадайте, пожалуйста, что первое сделал возвратившийся юный мот? Ну, конечно же, бросился играть в карты. И просидел за ними двое суток безвылазно. Отыгрался между прочим. Выдержка у Монтегю была необычайная, партнеры, утомившись, несколько раз менялись, но юный граф все сидел за карточным столом. И голод, к неудовольствию окружающих джентльменов, он утолял тоже не отрываясь от игры – велел своему повару класть кусочки мяса с зеленью, сыром и солениями между двух кусочков поджаренного хлеба, чтобы жирными руками не пачкать карт. Так появился наш излюбленный перекус, названный его именем – сэндвич! К слову сказать, джентльмены вскоре оценили новшество и сами наворачивали сэндвичи за милую душу, не прерывая игры. Так Джон Монтегю остался в истории изобретателем сэндвича. Правда, один английский мореплаватель по имени капитан Кук, которому четвертый граф Сэндвич покровительствовал, в благодарность за помощь назвал острова в Тихом океане в его честь, Сандвичевыми островами, но ненадолго – потомки переименовали их в Гавайи. Но в плане бессмертия с Куком сэру Монтегю все же повезло – Южные Сандвичевы острова рядышком с Антарктидой и сегодня носят его имя.

ЮБИЛЕЙ НИКОЛАЯ НОСОВА

Ровно сто десять лет назад родился прекрасный русский детский писатель Николай Носов. Написал он немало произведений для ребят – «Веселая семейка», «Дневник Коли Синицына», «Витя Малеев в школе и дома», рассказы «Затейники», «Живая шляпа», «Огурцы», «Чудесные брюки», «Мишкина каша», «Огородники» и др. Но для всех без исключения читателей Носов – это автор знаменитой трилогии про Незнайку – «Приключения Незнайки и его друзей», «Незнайка в Солнечном городе», «Незнайка на Луне», за которую в 1969 году

ему была присвоена Государственная премия РСФСР. К слову, последнюю часть о приключениях героя на Луне шутники называют учебником по политике и менеджменту, настолько там доходчиво описаны механизмы капиталистических отношений. Особо же ехидные критики называли Незнайку с его инициативностью и неугодным дилетантством идеальным образцом строителя развитого социализма. А дети с удовольствием цитировали Незнайкины стихи: «Я – поэт, зовусь Незнайка. От меня вам балалайка». Кстати, сам автор, весьма остроумный человек, сочинял про себя подобную веселую белиберду: «Я – писатель, Коля Носов. Я талантлив без вопросов». И впрямь, яркий талант! Ведь общеизвестно, что не Носов был изобретателем мира Незнайки и его друзей, а плодовитая, но не особенно хорошая писательница Ольга Хвольсон, которая, в свою очередь, вдохновлялась комиксами Палмера Кокса про малышей-эльфов «Брауни». Но насколько же Носов был по-писательски мастеровитее предшественников-графоманов! В конце концов, и Шекспир не придумывал сюжетов о Ромео и Джульетте и о Гамлете, а подобрал готовое и «перелицевал». И, согласитесь, неплохо получилось...

ДВА ВЕКА ИВАНА ТУРГЕНЕВА

Гениальный русский писатель-реалист, поэт, публицист и переводчик, классик отечественной литературы. Создатель ряда блестящих романов о «новом человеке», общественный деятель и пропагандист русской литературы и драматургии на Западе. Его называли также

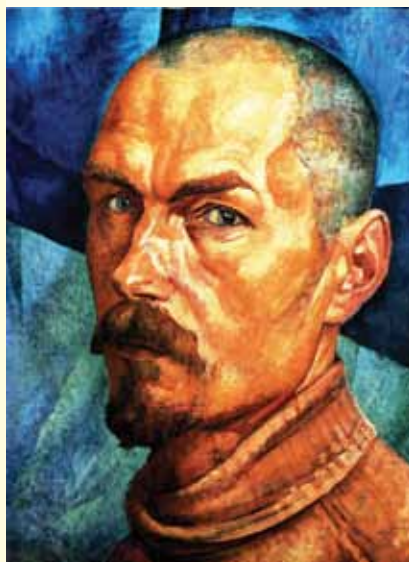

подлинным послом русской культуры. Иван Сергеевич Тургенев происходил из старинного русского дворянского рода, берущего начало от татарского мурзы хана Тургена, пришедшего с войной на Русь, но любившего эту землю и пустившего здесь свои корни. Не стоит рассказывать биографию классика, особенно в эпоху интернета и информационной доступности. Скажем о нем буквально пару слов, как о человеке, а не о литераторе. Он прожил непростую и неоднозначную жизнь. И далеко не все испытывали к нему симпатию. Толстой, например, сначала с ним дружил, а потом поссорился и даже собирался драться с Иваном Сергеевичем на дуэли, друзья их отговорили. Припоминали ему и случай в юности, когда начал тонуть корабль, на котором юный Тургенев путешествовал. Тогда капитан сказал, что будет в первую очередь сажать в шлюпки единственных детей своих родителей, и испуганный Иван первым пошел к лодке. А еще французский друг Тургенева, автор гениальной «Кармен» Проспер Мериме считал, что скрытое желание русского писателя – выгодно жениться на обеспеченной французской барышне. Он с супругой постоянно «мониторили» окружающее общество с целью подыскать подходящую кандидатуру для своего любимца Жана. А этот самый Жан, вместо любви по расчету глубоко и на всю жизнь влюбился в чужую жену — певицу Полину Виардо. Впрочем, об этом мы все многократно читали... Давайте не будем о мелком. Просто вспомним, что 9 ноября исполнится двести лет со дня рождения великого русского писателя, чье имя перечисляют в числе первых, наряду с Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, Толстым, Достоевским и Чеховым.

ДАРОВАНИЕ МИРОВОГО МАСШТАБА

Так о нем сказал модный питерский архитектор Роберт Мельцер, которому показала рисунки сына горничная местной барыни, пригласившей модного зодчего для строительства своей усадьбы. Петербургская знаменитость оказался очень приличным и благородным человеком. Он восторженно рассказывал в местном «высшем свете» о талантливом сыне сапожника Кузьме Петрове. Юноша, представьте, научился иконописи у староверских богомазов, недоучился в Хвалынске у здешнего учителя рисования, но научился сам писать природу и людей, как французский популярный художник Матисс. Такого мальчика надобно отвезти в столицу, и он станет гордостью здешних мест. Уговорил Мельцер провинциальных богатеев, и те сподобились скинуться на учебу «юному дарованию». Вначале он учился в Питере, а в 1897 году переехал в Москву и поступил в Московское училище живописи: ваяния и зодчества, где учился в мастерской Валентина Серова. Кузьма Петров-Водкин получил чудесный шанс вырваться из унылой провинциальной жизни и состояться как профессионал. И он этим шансом воспользовался в полной мере. Его называли гением при жизни. Работа «Купание красного коня», с

ее почти иконописной манерой и «пылающим» конем Георгия Победоносца, была написана еще в 1912 году. Эта картина в культурной жизни России ознаменовала появление нового имени. «Да, этот художник талантлив» – сказал о нем маститый и знаменитый Илья Ефимович Репин. Впрочем, это не помешало ему разгромить Кузьму Сергеевича в статье за картину «Сон». Но в защиту Петрова-Водкина выступил Александр Бенуа. Вот только жить художнику выпало во «время перемен». Войны, революции, голод, разруха. И остаться бы ему на Западе, подобно многим, благо Париж он любил, там был популярен и даже жену привез оттуда. Но Петров-Водкин выбрал жизнь на родине. Новой власти он поначалу понравился – его посчитали «искренним попутчиком революции». Да и сам он чувствовал порывы свежего ветра и откликался на него своим творчеством. «Петроградская Мадонна» и «Смерть комиссара» очень понравились критикам, но вызвал возмущение и недоумение его натюрморт с селедкой, куском черного хлеба и картофелинами – продовольственный паек в голодном Петрограде. От Петрова-Водкина потихоньку отмежевались и стали замалчивать в прессе. Так бы он и сгинул, точнее, должен был стать незаметным, но не стал – Кузьма Сергеевич в советские годы много работает, преподает, оформляет спектакли, а в 1932 избирается первым председателем Ленинградского отделения Союза советских художников. Когда же он заболел туберкулезом и не мог писать красками, взялся за перо, написав целую серию отличных рассказов. Этому незаурядному человеку, привнесшему символизм раннего Ренессанса вкупе с русской иконописной традицией в современную мировую живопись, 5 ноября исполняется 140 лет со дня рождения. И это прекрасный повод вспомнить его творчество и пересмотреть его работы в альбомах или интернете. Наверняка найдем что-то новое, ранее невиданное и удивительное – это был великий мастер и мыслитель.

ВИД С НЕВСКОГО ПРОСПЕКТА НА ДОЛИНЫ РОДИНЫ

Восстание на Сенатской площади

— Ирина ВЛАДИСЛАВСКАЯ

Продолжаем рассказ о петербургских грузинах. Нам предстоит краткий экскурс по грузинским адресам Петербурга от пушкинских времен до конца XIX века – «золотого века» расцвета прогрессивных идей, искусства, литературы и науки. Итак, какими же героями прославилась грузинская колония столицы в век, в котором пытались создать справедливое общество, освободить угнетенных, добиться справедливости и ответить на вопрос: «Что делать?».

После присоединения Грузии к России колония наших соотечественников в Петербурге становится одной из самых крупных в столице. На берегах Невы обустраиваются переселенные туда по императорскому распоряжению представители грузинских царских династий с приближенной княжеско-дворянской знатью и их многочисленными слугами. По примерным сведениям 1830 года, в Петербурге проживало более 1000 грузин. Многие из них стали видными военачальниками, сановниками, деятелями науки и культуры. Почетом пользуются сыновья последнего царя

Георгия XII Грузии Иоанне и Давид Багратиони, заслужившие завидное место в свете не только благодаря своей родословной, но и собственными талантами. Представитель этой громкой фамилии – Теймураз Багратиони является почетным членом Российской Академии наук, членом парижского общества «Societe Asiatique», вносит большой вклад в развитие кавказоведения, пишет многочисленные труды по истории Кавказа.

И вот на что обращаешь внимание: грузинская знать не обзавелась в державном городе помпезной недвижимостью, оставила о себе память не в архитектуре, а исключительно в области нематериальной культуры. В первую очередь, отсутствие дворцов говорит о том, что занимавшие ключевые посты грузины не злоупотребляли служебным положением – радели о деле, а не о «каменных палатах». Иначе как объяснить тот факт, что до нас дошли сведения только об одном историческом здании, владельцем которого был царевич Иоанн Григорьевич Багратион-Грузинский. Этот прямой потомок царя Георгия XII известен как собиратель памятников грузинской

письменности и исторических реликвий. Его особняк на Синопской набережной только частично построен трехэтажным, зато украшен живописными балконами. Очевидно и то, что грузинская знать не оставляла надежды вернуться на родину, и там обустроить свое постоянное жилье, которое немислимо представить без резных балконов. Ностальгическая тяга к родной земле не является для петербургских грузин фантомом – именно в среде столичного дворянства зародилась идея известного заговора 1832 года, распространившегося на всю Грузию. Петербургские грузины никогда не забывали о своих корнях. Как иначе объяснить прошение представителей колонии, поданное в 1824 году, на издание на грузинском языке журнала «Иверский телеграф». Журнал издавать не разрешили, но и запретить распространение вольнодумства в обществе властям никак не удалось – до восстания на Сенатской площади оставался всего один год. Передовые представители грузинской колонии были настроены радикально и близки к кругам декабристов.

Одним из активистов грузинского заговора 1832 года

был приехавший получить образование в Северную столицу сын кахетинского сельского священника Соломон Додашвили, вошедший в историю как яркий философ, просветитель и первый грузинский публицист. В подготовительный период восстания Додашвили вел переписку с Рылеевым. В 1830-1832 годах руководящую роль в тайных организациях, действующих в Петербурге и в Грузии, выполняли: члены дома Багратиони, князь Александр Орбелиани и Элизбар Эристави, и Соломон Додашвили. Программа заговора выдвигала главное требование – освобождение Грузии от российского господства. Планы провалились, так как один из активных участников заговора князь Иасе Палавандишвили выдал заговорщиков, и они оказались под арестом. После следствия были осуждены 38 человек. Самых активных членов тайного общества приговорили к смертной казни, однако император Николай I неожиданно проявил милосердие и заменил казнь на ссылки причем не в Сибирь, а в различные губернии Рос-

Соломон Додашвили

сии. Соломон Додашвили получил самый суровый приговор и был сослан в Вятку, где в то же время находился опальный Герцен. Додашвили скончался на чужбине в 1836 году, и только в наши дни, после обретения Грузией независимости, перезахоронен в пантеон на Мтацминда. Выдающемуся деятелю поставлен памятник в центре Сигнахи.

КУМИРЫ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ

Представим «Батальное полотно» Булата Окуджава, на котором вслед за императором едут увитые славой генералы, блещущие эполетами адъютанты свиты – «все они красавцы, все они таланты, все они поэты». Есть в этой кавалькаде и грузины. Большинство представителей грузинской знати служили в элитных полках гвардии и заслужили своей доблестью почет и награды. Яркой особенностью знатных грузинских родов Петербурга являлось то, что каждая фамилия дала истории не одного, не двух, а более десятка выдающихся личностей. И не только на военном поприще. Например, из рода Церетели происходил первый российский фольклорист Николай Цертелев. Доктор философии Дмитрий Цертелев был видным литератором, редактором журналов «Дело», «Русский вестник», «Русское обозрение» и переводчиком работ Шопенгауэра и Гете. Представителями этой же семьи являются член-корреспондент Академии наук, профессор Петербургского университета Г.Ф. Церетели, писатели Акакий и Георгий Церетели, начавшие свою деятельность на берегах Невы. К петербургским грузинам пушкинской поры принадлежит ученый и литератор Дмитрий Алексеевич Эристави (Эристов), который годом ниже Пушкина учился в Царскосельском лицее. Эристов дослужился до чина тайного советника, был генерал-аудитором флота, и при этом постоянно

занимался литературной деятельностью. Писал биографии выдающихся исторических лиц, очерки по истории Малороссии и Кавказа для «Энциклопедического лексикона», издававшегося с 1835 года Плюшаром. С 1852 года участвовал в составлении первых томов «Военно-энциклопедического лексикона». Его статьи на исторические темы публиковались в различных журналах и газетах. Делом жизни Эристова стал монументальный труд – «Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местночтимых», который был удостоен Демидовской премии, присуждаемой Российской Академией наук. Пушкин в своем журнале «Современник» дал словарю высокую оценку. По словам Пушкина, «слог издателя должен служить образцом для всех ученых словарей. Он прост, полон и краток. Издатель «Словаря о святых» оказал важную услугу истории. Книга его имеет и общую занимательность».

К числу офицеров-литераторов принадлежат Николай Борисович Герсеванов – Гарсеванишвили, Константин Христофорович Мамацев – Мамацашвили, который является первым биографом Николоза Бараташвили, автором описания жизни и творчества поэта-романтика, к слову тоже генерала, Вахтанга Орбелиани. Мамацашвили известен так же, как один из основателей Общества распространения грамотности среди грузин. Константин Христофорович состоял в близком знакомстве с Лермонтовым, с которым познакомился на Кавказской войне.

Из семьи Шаликашвили вышли поэт и издатель Петр Шаликов, а его старшая дочь, Наталья Шаликова считается первой русской женщиной-журналисткой. Наталья Петровна публиковала свои повести и рассказы под псевдонимами Е. Нарская и Е. Горская. Ее произведения увидели свет на

страницах журналов «Современник», «Беседа», «Русский вестник» и заслужили положительные отзывы Некрасова и Добролюбова. Состояла журналистка в переписке с Достоевским, о чем свидетельствуют сохранившиеся письма.

Одной из самых восхитительных красавиц пушкинской поры была Александра Осиповна Смирнова-Россет, воспитанная своей бабушкой Екатериной Евсеевной Лорер – урожденной Цициановой (княжной Цицишвили). Орест Кипренский написал портрет этой смуглой, черноокой красавицы. Привлекательная, умная, с «острым язычком», Александра Осиповна была одной из любимых фрейлин императрицы. По словам современников, состояла «на короткой ноге» с Николаем Павловичем и его братом Михаилом. Незаурядный ум, разносторонность интересов создали Россет репутацию одной из самых образованных и интересных женщин своего времени. Жуковский прозвал ее «небесным дьяволенком». П. А. Вяземский, большой ценитель женской красоты, писал: «Все мы, более или менее, были военнопленными красавицы: кто более или менее уязвленный, но все были задеты и тронуты». Неслучайно ее «скромная фрейлинская келия» в Зимнем дворце, по выражению И.С. Аксакова, «сделалась местом постоянного сборища всех знаменитостей тогдашнего литературного мира». Император Николай Павлович даже иногда шутливо выговаривал ей: «Александра Осиповна, я начал царствовать над Россией незадолго перед тем, как вы начали царствовать над русскими поэтами». Какая другая красавица могла похвастаться тем, что ей посвящали стихи Пушкин и Лермонтов? Грузинским генам Смирновой-Россет, возможно, мы обязаны тем, что в именно в Тбилиси поселились ее потомки, и дом их, спустя столетия, хранит дух выдаю-

Карл Вихман. Бюст А.О. Смирновой-Россет

щегося петербургского салона музы поэтов и художников.

В переписке близких Пушкину писателей часто упоминается княжна Темира (Татьяна) Херхеулидзе-Ведемейер, обладательница счастливого сочетания красоты, ума и литературных способностей. Темира и ее брат Захарий были в дружеских отношениях с Пушкиным, Жуковским, Вяземским, Козловым, Жихаревым, Воейковым. Дельвиг воспел княжну Херхеулидзе в послании «К Темире», а поэт Козлов посвятил ей свое известное стихотворение «Вечерний звон! Вечерний звон! как много дум наводит он...». Темира Херхеулидзе занималась художественными переводами, но печаталась анонимно в журналах своего времени.

ПЛЕЯДА «ТЕРГДАЛЕУЛЕБИ»

В девятнадцатом веке паломничество грузин в Петербург становится массовым. Представители дворянских родов и обеспеченных фамилий стремятся дать своим отпрыскам хорошее образование и посылают их в столицу, не считаясь с немалыми расходами и несмотря на тяжелый для южан северный климат. Получившим образование в Петербурге молодым людям, преодолевшим долгий путь через перевалы и бескрайние просторы России, присваивают поэтический эпитет – «испившие воды из Терека». Представители «тергдалеулеби» вошли в историю в качестве авангарда образованных людей, приверженцев реформ, прогрессивного переустройства общества,

адептов борьбы за социальную справедливость. Они получили в Петербурге наряду с фундаментальными знаниями передовые идеологические установки, которыми руководствовались всю дальнейшую жизнь. Созданное грузинскими студентами Петербурга землячество стало своего рода незаурядным социальным объединением. Среди грузинских студентов были выдающиеся музыканты, литераторы, публицисты, поэты, ораторы.

Илья Чавчавадзе стал первым председателем землячества, главой и руководителем грузинского студенческого движения «Тергдалеулеби». В связи со студенческими волнениями 1861 года Чавчавадзе в знак протеста против введения реакционного режима оставил университет и вследствие этого был исключен. По его просьбе ему было выдано свидетельство следующего содержания: «Предъявитель сего князь Илья Чавчавадзе, поступив в число студентов Императорского Санкт-Петербургского университета 20 июля 1857 г., слушал науки по юридическому факультету... 12 октября 1861 г. по прошению уволен из университета из четвертого курса, почему правами, предоставленными студентам, окончившим курс наук, воспользоваться не может». Свидетельство подписал ректор университета Э.Х.Ленц.

Спустя несколько десятков лет, в 1906 году, за год до трагической гибели, находящийся в зените славы Чавчавадзе был избран членом Государственного совета от дворянских обществ и вновь некоторое время жил в Петербурге. В Государственном Совете он примыкал к так называемой академической группе, в которую входили, главным образом, прогрессивные буржуазные деятели. Чавчавадзе считал своим долгом защиту интересов Грузии. Он требовал отмены смертной казни в империи, проведения

широких аграрных и социальных реформ. В 1987 году великий гуманист был канонизирован Грузинской православной церковью как святой Илья Праведный и почитаем на родине как Pater Patriae («Отец отечества»). В Санкт-Петербургском государственном университете 26 ноября 2012 года в связи с празднованием 175-летия со дня рождения И.Г. Чавчавадзе состоялся научно-культурный форум «Дни Ильи Чавчавадзе в Санкт-Петербурге».

Акакий Церетели был вольным слушателем факультета восточных языков Петербургского университета в 1859-1862 гг. На протяжении почти 60-летней деятельности заветной мечтой великого поэта и мыслителя являлся идеальный человек без сословных отличий, «человечный человек».

У землячества при Петербургском университете были свой устав, касса, библиотека и товарищеский суд. Доходной статьей кассы помощи нуждающимся товарищам являлись литературно-музыкальные вечера, которые проводились в самом престижном зале столицы – в зале Дворянского собрания. Вечера знакомили зрителей с грузинской поэзией, музыкой, танцами. В разные годы в концертах участвовали пианист-виртуоз А. Мизандари, певец и хормейстер Х. Саванели, певец В. Сараджишвили, виолончелист И. Абашидзе, танцовщица Н. Цицишвили, композиторы М. Баланчивадзе и К. Поцхверашвили. Благодаря яркости талантов в Петербурге все грузинское вошло в моду: кавказская одежда, танцы, многоголосное пение. Супруга властителя умов демократической молодежи Чернышевского на пике этой волны пожелала появиться в маскарade в грузинском национальном костюме. Черкеску она позаимствовала у Нико Николадзе, а затем познакомила начинающего публициста с мужем. Мировоззрение Чернышевского

сильно повлияло на взгляды Николадзе, которому в зрелом возрасте удалось осуществить на практике прогрессивные идеи переустройства общества – правда, только в масштабах одного города Поти.

КЛАДОВАЯ МУДРОСТИ

Выпускники Петербургского университета – Иванэ Джавахишвили, Эквтиме Такашвили, Петре Меликишвили, Георгий Ахвледиани, Шалва Нуцубидзе, Дмитрий Узнадзе, Корнелий Кекелидзе, Андрей Размадзе, Симон Авалиани, Николай Мухелишвили и др. – были инициаторами открытия первого на Южном Кавказе Тбилисского университета. Научный потенциал представителей этой яркой когорты научных и общественных деятелей широко раскрылся в XX веке. Посему сначала приведем несколько фактов о весомом вкладе в науку петербургских грузинских ученых в XIX столетии.

Родившийся и проживший всю свою жизнь в Петербур-

Илья Чавчавадзе

Иванэ Джавахишвили

Здание Тбилисского университета

ге Петр Романович Багратиони (1818-1876 г.), инженер и ученый, достиг значительных успехов в области цветной металлургии. Племянник знаменитого полководца проводил много времени в геологических экспедициях на Урале и открыл новый минерал ортрит, который был введен в минералогию академиком Н. Кошкаревым под названием «багратионита». В 1844 г. Петр Багратиони освободил ото льда замерзший Кронштадтский порт посредством гальванических электро-токов. Одним из самых интересных его открытий стал способ извлечения золота из руд методом цианирования.

Заслуживают внимания современников технические разработки И. Панчулидзе, И. Шенгелидзе, И. Авалишвили и других инженеров-новаторов. Однако наибольших успехов петербургские грузины достигли в области общественных и гуманитарных наук. Основателями грузиноведческой школы – картвелологии при факультете восточных языков Петербургского университета стали такие яркие ученые как лексикограф Давид Чубинашвили,

историк-лингвист А. Цагарели, языковед Н. Марр, историк И. Джавахишвили и др. Их работы признаны новым словом в филологии во всем мире.

Давиду Иессеевичу Чубинашвили (Чубинову) мы обязаны появлением первого большого грузинско-русского словаря. Предисловие ко второму изданию (репринтное издание 1984 г. «Сабчота Сакартвело») этого фундаментального труда написал академик Акакий Шанидзе. Первые же издания актуальных по сей день словарей, составленных Чубинашвили, удостоивались Демидовских премий. Первый словарь на 40 000 слов ученый составил еще будучи студентом. В 1840 году профессор Григорьев так отозвался о «Грузинско-русско-латинском словаре» молодого ученого: «Двадцати пяти лет от роду удалось молодому грузину сделать для народа своего и собственной известности то, что удастся немногим, и лишь под старость». Составленный несколькими годами позже «Грузинско-русско-французский словарь» принес составителю полную Демидовскую премию. В основу словаря были положены рукописи «Грузинского словаря» С.-С. Орбелиани и «Грузинско-русского словаря» Николая Давидовича Чубинашвили, приходящегося выдающему ученому дядей.

Словари Орбелиани и Н. Д. Чубинашвили были изданы позже.

Неутомимый труженик науки – Давид Чубинашвили читал лекции в университете, преподавал грузинский язык, введенный по распоряжению правительства во всех учебных заведениях столицы, где обучались кавказские воспитанники, – в Училище правоведения, в Институте корпуса инженеров путей сообщения, в Строительном, в Коммерческом, в Лесном и прочих училищах. Из этого списка становится ясно, что грузинские студенты получали высшее образование в самых различных областях знания. Однако приоритетной областью оставалась картвелология. Ее развитию способствовало распоряжение наместника на Кавказе Воронцова ежегодно посылать за казенный счет не менее двадцати слушателей на восточный факультет Петербургского университета.

В 1841 году по инициативе литератора Захария Палавандишвили и при научной поддержке Мари Броссе и Давида Чубинашвили в Петербурге появляется издание «Вепхвисткаосани». Большинство книг по грузинской истории, научные труды в области картвелологии, классические произведения грузинской литературы издавались, в основном, в типографии Академии наук. Однако были в

Петербурге и частные грузинские типографии. Известный юрист Д.В. Чичинадзе располагал собственной типографией и книжным магазином на Невском проспекте. Он выпускал, в основном, юридическую литературу, составленные им самим сборники законоположений, циркуляры и справочники. Другой издатель – А. Арабидзе владел на Мойке, 28 типографией, которая сначала называлась «Амирани», а потом была переименована в «Сакартвело» («Грузия»). Арабидзе был известен в качестве издателя прогрессивной литературы агитационно-просветительного характера. Издатель Р. Арциви некоторое время заведовал типографией газеты «Новое время», затем открыл собственное дело и принимал заказы от учреждений и частных лиц.

В собрании Эрмитажа хранятся артефакты грузинской культуры – древние бронзовые сосуды, чеканки по металлу, перегородчатые эмали, фрески, образцы резьбы по камню, а также рукописи. Все эти реликвии были сохранены благодаря энтузиазму знаменитых петербургских коллекционеров. К их числу, в первую очередь, следует отнести бывшего гвардейского офицера, титулярного советника Александра Ивановича Сулакадзе (Сулакадзева). Он был одним из самых значительных антикваров пушкинской поры, Его квартиру-«музей» посещали Державин, Шишков, Жихарев, Корсаков. Собрание Сулакадзе потрясло знатоков – только старопечатных книг и редких рукописей на европейских и азиатских языках насчитывалось более 2 650. Многие русские рукописи из его коллекции датированы XII и XIII веками, сообщают «Отечественные записки» в статье, дающей оценку собранию антиквара. Исследователи наших дней не утратили интереса к коллекции Сулакадзе, за бесценнок распроданной его вдовой после смерти антиквара в 1830 году.

Самым известным собирателем грузинских ценностей второй половины девятнадцатого века являлся А.С. Роинишвили. В 1888 году он провел выставку, представив свою коллекцию, которую собирал более двадцати лет. Среди экспонатов были предметы бронзового века, серебряное оружие, предметы одежды, утвари, украшения, а также нумизматика. Газеты отмечали, что коллекция Роинишвили вызвала большой интерес историков и археологов.

«ПИАНИСТ- ВИРТУОЗ» И МАЭСТРО-АКАДЕМИК

Грузинские мелодии притохливо вписываются в полифонию столицы. В Петербурге окрепли таланты первых грузинских профессиональных музыкантов – родоначальника грузинского фортепианного искусства, композитора, общественного деятеля Алоизия Мизандари и певца, хорового дирижера, одного из основателей грузинской музыкальной школы Харлампия Саванели.

Музыкальный дар Мизандари был замечен в раннем детстве: в девять лет Алоиз уже выступал в светском салоне княгини Елены Орбелиани-Эристави, в юности брал уроки у жившего в Тбилиси польского пианиста Леона Янишевского. Потом Мизандари поступил в Петербургский университет, где и началась его насыщенная музыкальная жизнь. Антон Рубинштейн основал в столице первую консерваторию и «Российское музыкальное общество», которое всячески способствовало проведению студенческих, университетских концертов. Сыграв на нескольких из них, Мизандари привел в восхищение знаменитых музыкантов, заслужив звание «пианист-виртуоз». Рубинштейн пригласил молодого грузина в Париж, где представил его Джоаккино Россини. Мизандари стал первым кавказцем, удостоенным чести быть членом знаменитого салона вели-

Харламгий Саванели

кого композитора. Ему выпало счастье встречаться с корифеями музыкальной культуры – Джузеппе Верди, Шарлем Гуно, Франсуа Обером, прославленной певицей Аделиной Патти. Он играл в четыре руки с самим Ференцом Листом, в Вене познакомился с Иоганнесом Брамсом и Генриком Венявским. В Петербурге были напечатаны его фортепианные пьесы, романсы, «Мазурка-фантазия», «Два маленьких вальса», «Воспоминания об Абастумани», «Восточные мелодии и лезгинка». А романс «Мы расстались» – первое печатное издание грузинской профессиональной музыки был настолько популярным, что его переиздали несколько раз.

Возвратившись в 1868 году из Европы на родину, Мизандари полностью посвятил себя воспитанию будущих музыкантов. В 1871 году было основано «Кавказское музыкальное общество», в работе которого вместе с Мизандари активно участвовал вернувшийся в Грузию преподаватель Петербургской консерватории, известный баритон Харламгий Саванели.

Харламбий Иванович в начале 60-х годов поступил в Петербургский университет, но был исключен за участие в студенческих волнениях. Благодаря этому случаю он и стал музыкантом, начав обучаться пению в Петербургской консерватории. В 1871 году вернулся в Тифлис, где был вынужден работать чиновником в банке. Он безвозмездно давал уроки музыки, выступал как певец-солист, стал членом Кавказского музыкального общества, а затем и его директором. Позднее организовал любительский хор, с которым выступал в концертах. Основал совместно с А.О. Мизандари и К.М. Алихановым хор и ученический этнографический хор (свыше 100 человек). На базе хоровых классов в 1876 г. была открыта музыкальная школа, в которой Саванели преподавал сольное и хоровое пение, теорию музыки и сольфеджио. В 1886 (по инициативе М. Ипполитова-Иванова) школа стала первым в Тбилиси музыкальным училищем.

Говоря о грузинских музыкантах Петербурга нельзя не упомянуть об участнике «Могучей кучки», основоположнике русского эпического симфонизма – Александре Порфирьевиче Бородине. В происхождении этого выдающегося композитора и ученого-химика кроется одна из петербургских «тайн». Будущий автор оперы «Князь Игорь» родился в Санкт-Петербурге 31 октября (12 ноября) 1833 от внебрачной связи 62-летнего имеретинского князя Луки Степановича Гедианова (Гедеванишвили) и 25-летней Авдотьи Константиновны Антоновой и при рождении был записан сыном крепостного слуги князя – Порфирия Ионовича Бородина и его жены Татьяны Григорьевны. До 8 лет мальчик являлся крепостным своего отца, который перед смертью в 1840 году дал сыну вольную и купил четырехэтажный дом для него и Авдотьи Константиновны, выданной

Александр Бородин

замуж за военного врача Клейнеке. Столь драматические события детства не помешали Бородину достичь выдающихся успехов в искусстве и в науке, совершить несколько научных открытий в области химии. Главным трудом его жизни стала опера «Князь Игорь», над которой Бородин работал 18 лет. Из-под пера композитора вышли произведения самых различных жанров, в том числе романсы, фортепианные пьесы, симфоническая музыка. Скончался Бородин от разрыва сердца в 53-летнем возрасте.

Среди живописцев снискал известность Петр Николаевич Грузинский. Он успешно окончил обучение в Академии художеств и в 1862 был удостоен большой золотой медали за картину «Взятие Гуниба», после чего был отправлен за границу в качестве пенсионера Академии. Багратион-Грузинский пишет, в основном, батальные полотна, за картину «Оставление горцами аулов при приближении русских войск», предназначенной для Всемирной парижской выставки, он получил в Петербурге звание академика. Другой известный живописец грузинского происхождения Иван Георгиевич Гугунава был учеником Перова и Саврасо-

ва, обучался в Императорской Академии художеств.

Гугунава сотрудничал в журнале «Всемирная иллюстрация», но затем переехал из Петербурга в Москву, где стал одним из основателей Московского художественного товарищества и общества «Среда». Жил преимущественно в Москве. Периодически выезжал на родину, где писал картины из грузинской жизни, пейзажи.

МЕГРЕЛЬСКИЙ ВЕНЕЦ СТОЛИЦЫ

Одной из самых привлекательных дам высшего петербургского света по праву считается Екатерина Александровна Чавчавадзе-Дадиани, дочь крестника императрицы Екатерины II – князя Александра Чавчавадзе (1786-1846), генерала, выдающегося грузинского поэта и общественно-го деятеля и его супруги княжны Саломе Ивановны Орбелиани, правнучки царя Ираклия II. Старшая сестра Екатерины Александровны – Нина Александровна Грибоедова. Младшая сестра Екатерины – Софья была замужем за министром народного просвещения, бароном Александром Павловичем Николаи, младший брат – Давид Александрович генерал-

майор свиты Его Величества.

После смерти супруга, Давида Дадиани, владетеля Мегрелии, Екатерина Александровна занялась государственными делами, превратившись (по выражению мемуариста К.А. Бороздина) «в историческое лицо». Император Николай I признал ее правительницей Мегрелии при малолетнем сыне. Во время Крымской войны Турция отправила в Мегрелию свои войска, сумевшие занять значительную территорию княжества. Правительница укрылась от врагов в Лечхуми, где вскоре получила от турецкого командующего Омера Лютфи-паши предложение перейти под покровительство Турции. Оставив письмо без ответа, Екатерина Александровна встала во главе мегрельских войск и повела их в наступление на турок.

В марте 1856 года, после заключения Парижского мира, получила приглашение на коронацию императора Александра II, куда прибыла с детьми и сестрой Ниной. Как свидетельствует мемуарист К. Бороздин, «она со свитою производила эффект чрезвычайный. Сохранившая блеск своей красоты..., в роскошном и оригинальном костюме... она была чрезвычайно представительна, а рядом с нею все видели прелестную ее сестру, Грибоедову, дорогую для всего нашего русского общества по имени, ею носимому. Все были в восторге от мингрельской царицы, ее сестры, детей и свиты».

Оставив управление княжеством на попечение своего доверя князя Григория Дадиани, Екатерина Александровна поселилась в Санкт-Петербурге. 26 августа 1856 года пожалована в статс-дамы. В 1857 году она была вынуждена вернуться в Мегрелию из-за начавшегося под предводительством сельского кузнеца Уты Микава крестьянского восстания. 12 мая повстанцы взяли Зугдиди. По ее просьбе в конфликт вмешались русские войска. Управление

княжеством было передано военному губернатору, а княгине высочайшим рескриптом было предложено «для воспитания» детей отбыть в Петербург. Ее салон в столице был широко открыт для русской и грузинской интеллигенции. Через десять лет ей было разрешено уехать в Париж. В конце жизни княгиня вернулась в Мегрелию, где жила как частное лицо. Екатерине Александровне посвятил свое творчество безответно в нее влюбленный выдающийся грузинский поэт Николоз Бараташвили. Два стихотворения посвятил ей и М.Ю. Лермонтов.

Один из сыновей последней правительницы Мегрелии генерал-лейтенант русской армии Андрия Давидович Дадиани прославился на шахматном поприще. В десятилетнем возрасте оказался в Петербурге вместе с матерью, окончил Пажеский корпус. Учился на юридическом факультете Гейдельбергского университета и считался одним из самых просвещенных людей эпохи. Шахматист публиковался в таких изданиях, как «Шахматный листок» (Санкт-Петербург, издатель – М. И. Чигорин), «International Chess Magazine» (Нью-Йорк, В. Стейниц), «Strategie» (Париж, Жан Притти). Один из номеров лондонского журнала «The Chess Monthly» (основанного Цукертортом) – июнь-июль 1892 год – целиком посвящен деятельности князя Дадиани. В журнале рассказывается, как в парижском кафе, где за шахматной доской встретились известные мастера, Дадиани воспроизводил перед многочисленными зрителями партии ведущих шахматистов, сопровождая их комментариями, как играл партии, не глядя на доску, с закрытыми глазами. В России к личности Дадиани стали относиться неодобрительно после нескольких конфликтов мастера с великим Чигориным. Андрия Дадиани до конца жизни оставался на военной службе и являлся не профессиональным шахматистом, а любителем.

Тем не менее об игре Андрия Дадиани современники отзывались в самых лучших тонах: «Партии мингрельского князя Дадиани прекрасны, они останутся в истории шахмат как шедевры». «В игре Дадиани мы опять видим смелого и острого гения», – писали современники об этом герое уходящего «Золотого века».

Знаменитые петербургские грузины девятнадцатого века были людьми не похожими друг

Екатерина Дадиани

на друга, принадлежали они к разным сословиям, придерживались диаметральных политических и общественных взглядов. Однако одна общая черта роднит этих людей: пленив столицу своими достоинствами, они посвятили свои помыслы и таланты своей родине. Сердца их принадлежали Грузии, куда они стремились вернуться при первой возможности, чтобы служить, облегчить долю, чтобы найти вечный приют.

Организаторы и участники концерта

«ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ЛЮБВИ...»

Соб.инф.

Фото – Роман КОСОЛАПОВ

В Тбилисском русском театре имени А.С. Грибоедова прошел вечер-концерт, посвященный памяти Роберта Рождественского – «Мои года – мое богатство». Все на этом вечере «начиналось с любви» и было озарено всеобщей любовью: к стихам поэта, к Тбилиси и Грузии, друг к другу. Потому вечер и получился таким светлым, ярким, добрым и, как теперь уже ясно, незабываемым.

Организатором концерта выступило известное российское издательство «Либрика», которое постепенно становится заметным связующим звеном между интеллигенцией Грузии и России. Вечер памяти Рождественского – не первый проект «Либрики», осуществленный в Грузии, и уж, конечно, не последний.

По словам генерального директора издательства Вадима Панюты, подготовка к вечеру была долгой и сложной, поскольку над сценарием работали четыре автора, и у каждого был свой вариант, своя концепция. В результате из каждой концепции

было взято лучшее, и зритель увидел... 12-ю версию сценария. Впрочем, иначе и быть не могло – речь шла о выдающемся поэте, большой личности, поэтому каждое слово сценария, можно сказать, взвешивалось на аптекарских весах.

Инициатором и главным автором проекта стала дочь поэта, фотохудожник и писатель Екатерина Рождественская. Побывав в январе этого года в Грибоедовском, на вечере «Русского клуба», посвященном юбилею Владимира Высоцкого, она загорелась идеей провести в Тбилиси концерт памяти ее отца. Директор театра Грибоедова Николай Свентицкий с радостью согласился предоставить для вечера Большой зал, и – после напряженной многомесячной работы – 14 октября, в светлый праздник Мцхетоба-Светицховлоба, тбилисцам был представлен вечер-концерт «Мои года – мое богатство».

Надо признать, что тема «Рождественский и Грузия» – достаточно скромна по своему содержанию. Стихов о Грузии поэт написал всего несколько, грузинских поэтов почти не переводил. Но он сердеч-

но дружил и общался со своими братьями в Грузии, часто приезжал в нашу страну – и по литературным делам, и просто в гости к друзьям... Но не это главное. Важно то, что в Грузии знают и по-прежнему любят поэзию Роберта Рождественского. Поэтому в зале был аншлаг, и между сценой и публикой немедленно установилась живая энергетическая связь, которая не прервалась ни на одно мгновение, а наоборот – крепла и разгоралась все ярче.

Для участия в вечере в столицу Грузии приехали журналист, фотохудожник Юрий Рост, артист театра и кино Кирилл Сафонов (он же стал и одним из ведущих вечера вместе с грузинской актрисой Ией Вахания), дирижер, пианист Сергей Жилин, певицы Алена Свиридова и Александра Савельева, джазмен Александр Гершман, бенд «Big Projekt» (отметим, что один из участников бенда, Алексей Бирюков, – внук поэта), победитель шоу «Голос. Дети» Рутгер Гарехт. В концерте выступили популярные грузинские исполнители – Софо Халваши, квартет «Форте», Натия Перанидзе и Нодар Хуцишвили, Мака Замбахидзе и Рати Дурглишвили, Мераб Андроникашвили, «Тбилисский квартет», Марико Эбралидзе, трио «Натали», Кети Габисиани, ведущий актер театра Грибоедова Слава Натенадзе, актер Деметрэ Накопия. Свой авторский перевод стихотворения Р. Рождественского прочитал специальный гость вечера профессор Тбилисского университета Илии Гия Джохадзе.

Музыкальным руководителем проекта стала народная артистка Грузии Ирма Сохадзе. Она же специально для вечера написала песню на стихи Рождественского, строчкой из которого мы и начали наш рассказ – «Все начинается с любви». Аккомпанировал исполнителям бенд «Экспромт» под управлением Како Вашаломидзе. Наверное, излишне уточнять, что на концерте был исключительно живой звук.

Зрители не только получили удовольствие от замечательных песен и стихов, но и узнали много интересного о Роберте Рождественском. Например, что впервые он побывал в Грузии в октябре 1956-го, в составе молодежной московской делегации. Давая интервью газете «Заря Востока», поэт пообещал «по возвращении в Москву обязательно написать стихи о Грузии». И сдержал свое обещание. Так, именно Рождественскому принадлежат одни из лучших поэтических строк о грузинском тосте:

В тостах истинного сорта
есть, помимо прочих тайн,
нечто вроде горизонта,
убегающего вдаль.
Человека славят гимном,
учат крылья обретать.
Говорят ему, каким он,
коль захочет, может стать!

Грузия так или иначе всегда присутствовала в жизни Роберта Рождественского. Он много работал с Микаэлом Таривердиевым, уроженцем Тбилиси. Часто приезжал на Дни Маяковского в Багдати. Как-то раз, посетив школу в Кутаиси, где учился Маяковский, в книге гостей записал следующие слова: «Дорогие друзья, спасибо вам за прекрасную память о Маяковском, спасибо за то, что он, живя и торжествуя во всем мире, одновременно, не хочет уходить, не может уйти из этой школы. Приветствую Грузию, чудесный край, давший миру замечательные, непревзойденные таланты, край, оставивший глубокий след в творчестве титанов нашей поэзии». Под впечатлением одной из таких поездок Рождественский пишет стихотворение «На родине Маяковского». На вечере оно прозвучало в исполнении народного артиста Грузии Гоги Харабадзе:

С селом Багдади, –
все до единого, –
знакомы косвенно,
мы не доверились
          уговариванью
          паровозному.
Мы просто взяли две машины и –
          к Маяковскому!..
У ног в кувшинах вино плескалось.
          Мы хлеб делили.
А нам навстречу летели горы –
          и мощь,
          и немощь...

В конце дороги
в невероятно земной долине
произрастало село Багдади,
          на солнце нежась.
Произрастали дома
          спокойно и неустанно,
и абрикосы, произрастая,
          плоды роняли.
Взрослели стены.
И даже речка произрастала,
          в песок зернистый,
          как будто в вечность,
          уйдя корнями...

Ведущие и участники концерта

Заключительный номер программы

В конце 60-х по поэмам Рождественского ставили спектакли «Поэтического театра» в Тбилисском ТЮЗе. В конце 80-х поэт писал Ираклию Абашидзе: «Спасибо, что Вы так мудры и так истинны... Ваши новые стихи сделали меня счастливее и сильнее».

В 1973 году делегация писателей, ученых и журналистов возвращалась в Москву из поездки по Южному Сахалину. В составе делегации находился и Роберт Рождественский. Этим обстоятельством воспользовался корреспондент Грузинского радио и взял у знаменитого попутчика интервью – прямо в самолете. На вечере прозвучал фрагмент этой малоизвестной, но очень интересной беседы:

– Вы не раз бывали в Грузии. Обычно спрашивают о том, что больше всего понравилось. Меня же интересует и то, что вам не понравилось в Грузии.

– В Грузии у меня много друзей-поэтов. Мне очень нравится, что каждый грузин, даже если он весьма прозаически настроенный человек, за дружеским застольем преобразуется в поэта.

Видимо, поэзия у грузин в крови. Однако ваши пиры настолько продолжительны, что я недоумеваю – когда же грузинские поэты успевают писать свои стихи?

– Внешне вы больше похожи на спортсмена, чем на поэта.

– Возможно. Я серьезно занимался тремя видами спорта. У меня первый разряд по волейболу и баскетболу. Второй разряд по боксу. В какой-то момент я колебался, выбирая между спортом и литературой. Выбрал литературу... Я не считал себя поэтом и не воспринимал стихи как профессию. Это было для меня способом удовлетворить свою духовную потребность. Можно ли духовное состояние превратить в профессию? Не знаю. Я и сегодня считаю, что стихи – это проявление духовного состояния человека. В моем дипломе, который мне выдали по окончании Литературного института, написано – литературный работник.

– В таком случае, что, с вашей точки зрения, является главным для поэта?

– Жить так, чтобы быть нуж-

ным не только своим близким. Обладать способностью видеть и отображать реальность. Поэзия не переносит ни искусственности, ни насильственности.

– Что вы цените в людях больше всего?

– Веру и простоту.

– А в искусстве?

– То же самое.

Особым украшением вечера стали уникальные фотографии Рождественского и хроника с его участием, которые демонстрировались на экране (надо сказать, что их видели впервые даже члены семьи поэта). Архивные материалы разыскала режиссер документального кино Ольга Жгенти, которая, кстати, уже приступила к работе над фильмом «Русские поэты-шестидесятники в Грузии».

И еще – каждый зритель получил в подарок книгу стихов Роберта Рождественского «Мои года – мое богатство», выпущенную издательством «Либрика». Так что вечер памяти поэта прошел, а поэтическое слово Рождественского в Грузии продолжает звучать...

Екатерина Рождественская

ПАПИНА ДОЧКА

■ **Нина ШАДУРИ**

Екатерине Рождественской никогда не приходится уточнять, чья она дочь. И дело здесь даже не в фамилии и отчестве. А в невероятном сходстве. Она удивительно похожа на своего отца. Как выяснилось, не только внешне, но и по характеру, и по отношению к жизни.

Увидев ее впервые, я даже подумала, что она – поздний ребенок. Оказалось, Катя была ранним и желанным ребенком. А тому, как замечательно она выглядит, остается только изумляться.

Она приехала в Тбилиси, чтобы подготовить и провести вечер, посвященный памяти Роберта Рождественского. Организатором и спонсором концерта выступило известное российское издательство «Либрика». А вот сценарий (в основной его части), подбор российских исполнителей, сценография – все это сделала Катя. И вечер получился светлым и добрым – таким, каким был сам Рождественский, таким, какова его поэзия.

– **Не могу не спросить – каков ваш рецепт молодости?**

– Надо двигаться. Без движения я не могу. Мой рецепт очень простой: везде – и дома, и в отеле, и в аэропорту – между лифтом и лестницей я всегда выбираю лестницу.

– **Положительные эмоции имеют значение для того, как человек выглядит?**

– Имеют, конечно. Но где их взять в таком количестве, чтобы они повлияли на внешний вид?

– **Все вас знают как замечательного фотохудожника. Вы дизайнер, журналист, долгое время были главным редактором еженедельника «7 дней». Чем сегодня наполнена ваша жизнь?**

– Сегодня я, в основном, писатель. Пишу и получаю от этого огромное удовольствие. На протяжении 20 лет я была фотографом, у меня было совершенно другое восприятие мира – через объектив. А сейчас, видимо, какие-то центры в

мозгу, которые прежде спали, просыпаются, и я себя чувствую путешественником, открывающим новые земли. Это безумно интересно. В этом году я выпустила книгу «Дом на Поварской». Это рассказ о семье. О том, как мои прабабушка и прадедушка приехали из Саратова в Москву, поселились в подвале, во дворе на Поварской улице. Там родилась мама, там она выросла, туда привела папу... Это история с 20-х до 60-х годов прошлого века, история нашей «подвальной» жизни. В центре двора сидел Лев Толстой – большой черный памятник, которого я очень боялась, потому что он все время смотрел, насупившись. Я ездила на маленьком велосипеде, а он смотрел – черный, ужасный. Меня это пугало, и, наверное, поэтому я с тех пор и не люблю Толстого – слишком страшное впечатление он на меня произвел в детстве... Написав эту книгу, я решила – раз уж у меня появилась книга о первом нашем адресе, то я так и пойду дальше – по адресам, где мы жили в разные годы.

– **Какой следующий?**

– Кутузовский проспект, 9 – мои школьные годы. Период с 1962-го по 1969 год. Потом я напишу о Калининском, Тверской и Переделкино.

– **Вашего папы нет почти четверть века. Время не лечит, правда?**

– Оно даже не примиряет. Хотя... Все-таки большое видится на расстоянии. У меня с сестрой Ксенией был период затишья, когда мы ничего не делали для того, чтобы общественность вспоминала отца...

– **Я читала, что в течение десяти лет после его ухода вы даже не читали его стихов.**

– Не читала. Это был какой-то провал в жизни. Я не могла заставить себя съездить к нему на родину, на Алтай. Просто, наверное, мы с сестрой не были готовы к тому, что надо начи-

нать действовать. А в последние годы мы действуем.

– Что послужило толчком?

– Ничего. Все пошло само собой. Каждый юбилей отмечали большими концертами. Я наконец-то поехала на Алтай. Попросила Зураба Церетели поставить памятник в селе Косиха, где родился папа, и Зураб Константинович откликнулся. В этом году открыт памятник в Петрозаводске – там отец учился. Его именем называют улицы, на Алтае ежегодно проходят «Рождественские чтения». Это большая работа.

– Кто это организует?

– Этим по собственному желанию занимаются на местах люди, которые любят творчество Рождественского. Я им всячески помогаю. Мы делаем большой музей на Алтае, перевозили туда очень много экспонатов.

– Что для вас ушло вместе с отцом? Чего не хватает?

– Осталось чувство, что недопросила, недоговорила, недообнимала... Я не сразу осознала это. Только со временем начала понимать, кого потеряла, кого лишилась. Вернуться бы в те года... А ведь мы реально продлили папе жизнь на пять лет. В Москве ему поставили неправильный диагноз. Мы нашли клинику за границей, чтобы сделать операцию. В то время, в конце 80-х, выехать за рубеж было почти невозможно. Я дошла до Горбачева и попросила, чтобы нам отдали деньги, которые отец заработал за рубежом – они лежали во Внешэкономбанке. У отца, как и у всех людей такого уровня, деньги были. Но они были государственные. Их нельзя было взять. Я отвезла его в Париж, ему сделали две операции, поставили на ноги. И в течение пяти лет он писал гениальные стихи.

– Что послужило причиной ухода?

– Шесть инфарктов в течение трех часов. Сердце не выдержало... Я помню, ему стало плохо на даче. Сильно упало давление – 80 на 40. Приехала врач-реаниматолог, которая, как потом выяснилось, оказалась внучкой Брежнева. Папу отвезли в Склифосовского. Мы сидели под дверью реанимации, молились, ждали.

– Надежда оставалась?

– Пожалуй, уже нет... Он очень истощился, ослаб... Но мне казалось, что я его не отпускаю. И врач потом подтвердил, что у папы было шесть остановок сердца, и все пять раз удавалось его завести, как будто кто-то удерживал человека на этом свете...

– Катя, вы папина или мамина дочка?

– В большей степени – папина. Какая-то неземная связь у нас с ним была. С детства по отношению к отцу я испытывала обожание и чувство абсолютной защищенности. Папа был ангел, который загораживал меня от всего плохого.

– Как он вас воспитывал?

– Своим примером. Никогда не повышал голос. Никогда не читал нотаций.

– У вас трое сыновей. Как вы сами считаете, что играет главную роль в формировании человека – воспитание или гены?

– Каким родился, таким и вырос. Хромосомная зависимость.

– А вы как воспитываете?

– Пуповину не могу перерезать, ножницы тупые. Мне всегда надо знать, кто где находится, кто что съел... Хотя мои сыновья уже взрослые – 32 года, 29 и 17 лет. А я продолжаю держать их на поводке. Ненавижу себя за это. А что я могу поделаться? У меня мама такая же была. Тоже гены, никуда не денешься.

– Какое отношение было у Роберта Ивановича к Грузии?

– У него здесь было много друзей. Он часто приезжал в Грузию без всякого официального повода. Дружил с Ираклием Абашидзе. Обожал Нани Бреговдзе до такой степени, что мама ревновала. Нани была для отца ангельским видением. Когда ее показывали по телевизору, он всех просил не шуметь, смотрел и наслаждался. Буба Кикабидзе приходил к нам в гости на Тверскую (в те времена – улица Горького). Помню, как папа расстроился, как волновался, когда у Бубы возникли проблемы со здоровьем... Знаете, я никогда не знала, кто какой национальности. Даже не задумывалась об этом. Я воспитана так, что для меня совсем неважно, кто передо мной – еврей, грузин или киргиз. Приходили дядя Чингиз, дядя Муслим – какая разница, какой национальности и религии они были! Вкусно накормить – вот это было для меня важно. Вообще, я категорически против разделения людей на какие-то паспортные данные.

– Вообще-то, есть только две национальности...

– Вот именно – хороший человек и плохой человек. А уж судить по одному-двум людям о целом народе – это идиотизм.

– В Театре Грибоедова с огромным успехом прошел вечер памяти Роберта Рождественского. Расскажите, как возникла идея концерта, как шла работа и довольны ли вы результатом?

– Я очень довольна, хотя перед началом концерта от волнения была в предобморочном состоянии. Напряжение было очень большим. Инициатором проекта выступило издательство «Либрика» и ее генеральный директор Вадим Панюта. Я ему очень благодарна, без него ничего и не было бы. В наше время меценаты – это вещь раритетная, музейная, на улице их просто так не встретишь. В

январе Вадим пригласил нас в Тбилиси на концерт памяти Высоцкого в театре Грибоедова, и мы решили, что вечер Рождественского – это тоже интересно. Тем более что есть что показать, что вспомнить. И мы стали готовиться, собирать людей. В написании сценария мне очень помогла режиссер-документалист Ольга Жгенти.

– Она нашла уникальные архивные материалы – кинохронику, публикации, которых, как я знаю, нет в вашем семейном архиве.

– Да, грузинских архивных материалов у меня не было. И первые же кадры хроники, которые показали на вечере – как отец выходит из самолета в тбилисском аэропорту, спускается по трапу, его встречают грузинские друзья – очень тронули сердце и сразу же задали тон всему вечеру.

– Концерт прошел, а отзывы идут и идут – люди благодарят, делятся своим восторгом, ощущением праздника.

– Наверное, все дело в том, что этот концерт делала семья Рождественского. Очень домашнему, может быть, старомодно. Я не люблю наворотов. Я делаю так, как понравилось бы отцу. Поэтому я поставила на сцене кабинет, посадила за пишущую машинку «молодого отца»... Эти детали возвращают нас туда, откуда все мы родом. Я посадила за столик двух ведущих, которые приглашали на сцену не участников, не исполнителей, а гостей. Все они приходили в гости к Роберту Рождественскому, к его поэзии... Я очень благодарна «Либрике» за сборник стихов отца, который мы дарили зрителям. Это не брошюрка с перечнем песен, а прекрасная полноценная книга. Знаете, вчера я тоже получила своеобразный отзыв о нашем вечере. Ко мне подошла женщина и сказала: «Огромное вам спасибо за концерт, мы на нем потеряли нашу маму». Я была ошарашена: «В каком смыс-

ле?» Они объяснили: у мамы был день рождения, и она попросила подарок – билет на концерт памяти Рождественского. Ей купили билет, и она отправилась в театр. Концерты в Тбилиси обычно идут час-полтора. А тут... Девять часов вечера, десять – мамы нет. Домашние побежали к театру и выяснили, что концерт еще не закончился. В половине одиннадцатого мама появилась. Она была в полном восторге и сказала, что это был ее лучший день рождения.

– В 1982 году Рождественский составил и пробил первый сборник стихов Высоцкого «Нерв».

– Да. А еще он был председателем Наследия Мандельштама, именно он отстоял дом Марины Цветаевой в Борисоглебском переулке, который хотели снести...

– Я знаю об этом. А какие отношения были у него с Высоцким?

– Не могу сказать, что они были большими друзьями. Они встречались, общались. Слово «друг» для папы значило очень много.

– Роберт Иванович ценил его при жизни?

– Конечно! Он не стал бы делать книжку, если бы не считал Высоцкого поэтом. Папа абсолютно не был конъюнктурным. Помню, однажды в Юрмале мы все лето провели с Высоцким. Там снимали «Арапа Петра Великого». Тогда у них с отцом было очень много встреч и разговоров. Сложилась огромная общая семья, которая перетекала из кафе в ресторан, из бара на съемочную площадку, потом в Дом творчества писателей...

– Каким вам запомнился Высоцкий?

– Я девчонкой была... Помню, меня взяли в гости, был накрыт большой стол, он сидел рядом с Мариной Влади. Высоц-

Екатерина с сыном Алексеем

кий взял с собой гитару, потому что знал, что его обязательно попросят спеть. И мне было непонятно, кого он любит больше – Марину или гитару? Он и женщине своей с пиететом стульчик пододвигал, и гитару так же осторожно пристраивал на стул. Я помню его аккуратные, нежные движения... Он пел в тот вечер очень много. Потом они с папой вышли на крыльцо и услышали, как один прохожий сказал другому: «Слышал? Как здорово под Высоцкого поет!».

– А что вы читаете сегодня?

– Я читаю очень избирательно. Когда есть свободное время, пишу. Рисую, делаю авторские коллекции платков. У меня есть безумная мечта, и я везде о ней рассказываю, чтобы она материализовалась – я очень хочу снять фильм.

– По своей книге?

– Да. Это мой план на будущее. Сниму картину, а потом еще какую-нибудь новую профессию себе выберу. Я умею это делать.

Дом семьи Хачатурян на бывшей Великокняжеской улице

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Удивительным все-таки городом был Тифлис! Простой переплетчик книг имеет возможность отдать сына в пансион, где учатся дворянские дети. А тот, серьезно занявшись музыкой лишь в 19 лет, может стать автором первого армянского балета, первой армянской симфонии и первого инструментального концерта. Став всемирной знаменитостью, Арам Хачатурян объяснит свой феномен просто: «Я рос в атмосфере богатейшего народного музыкального быта, жизнь народа, его празднества, его обряды, горести, радости, красочные звучания армянских, азербайджанских и грузинских напевов в исполнении народных певцов и инструменталистов – все эти впечатления юных лет глубоко запали в мое сознание». Так удивительный город растил удивительных людей.

В селе Верхняя Аза под городом Ордубад в Нахичеванском уезде, почти на границе с Ираном, заработать на жизнь во второй половине позапрошлого века было практически невозможно. И тринадцатилетний Егия Хачатурян, которого в последующей жизни все будут звать Ильей, отправляется на заработки в Тифлис. Он устраивается учеником в переплетную мастерскую и настолько быстро осваивает профессию, что, несмотря на годы, пользуется отличной репутацией в цехе местных ремесленников. А когда ему исполняется 19 лет, с родины приходит сообщение: его заочно обручили с 9-летней Кумаш из соседнего села Нижняя Аза. Приняв это к сведению, Илья продолжает расширять круг солидных заказчиков, и в 25 лет, когда его хозяин доводит дела

почти до краха, выкупает у него мастерскую. А через год привозит из Нахичеванского уезда 16-летнюю жену. Которую до этого ни разу не видел.

Такова предыстория появления на свет в 1901 году одного из выдающихся композиторов XX века Арама Хачатуряна, последнего, пятого ребенка Ильи и Кумаш. Семья эта живет в Коджори, горном местечке близ Тифлиса, куда Илья каждый день ездит на работу. А когда Араму исполняется пять лет – переезд в город. За три года, проведенных в районе Вере, на Арагвской (ныне А. Мачавариани) улице, Арам влюбляется в народные мелодии: «Мать часто напевала грустную мелодию армянской песни... Я положил эту мелодию в основу первой темы медленной части своей Второй симфонии... Как бы потом ни из-

Семья Хачатурян. В центре сидит Арам

менялись мои музыкальные вкусы, первоначальная основа, которую я воспринял с детских лет от живого общения с народом, оставалась естественной почвой для моего творчества».

Наслушавшись материнских песен, мальчик часто уединяется на чердаке и часами выстукивает запомнившиеся ему ритмы на медном тазу. «Эта моя первоначальная «музыкальная деятельность» доставляла мне неопишное наслаждение, родителей же приводила в отчаяние», — вспоминал он спустя годы. Не до отчаяния, но очень большого недовольства доводит он мать с отцом и своим озорством. Со второго этажа спускается не по лестнице, а только по стволу растущего рядом платана. Увлекается игрой в лахты, в которой довольно больно достается ремнем по ногам, конечно же, участвует в уличных драках. И очень не любит воскресений — надо долго вести себя в церкви смиренно. В целом же родители не ограничивают его, разве что лишь во время революционных событий 1905 года: «Непонятная суэта вокруг, плачущие женщины уводят меня со двора в комнату, запирают ворота, опускают занавески, с улицы доносятся крики...».

В общем, он отнюдь не музыкальный вундеркинд, да и в семье стремление к музыке не приветствуется, ее глава мечта-

ет дать сыновьям «настоящее» образование — сам он грамоту выучил самостоятельно. Возможность исполнить эту мечту появляется после того, как в 1909 году Илья уже может позволить себе купить собственный дом в престижном районе, на Великокняжеской (сегодня — Узнадзе) улице. Там же обустраивается и переплетная мастерская, принося совсем неплохой доход. А Арам отправляется в престижный частный платный пансион княгини Софьи Аргутинской-Долгоруковой. В котором, кстати, Илья переплетает библиотечные книги. Ходить в него недалеко — на Михайловский (ныне — Агмашенебели) проспект.

Учатся там дети из дворян-

ских, а также из простых, но зажиточных семей. И, что трудно представить сегодня, никто не из них не задирает нос из-за того, что приезжает в экипаже родителей, а не на наемном извозчике. Никто не может и перещеголять одноклассников нарядами, на групповой фотографии учеников можно увидеть, что в одежде не было никаких различий... Учиться Араму не трудно, как и каждый тифлисский пацан, он свободно говорит на трех языках: дома — по-армянски, на улице — по-грузински, в школе — по-русски. Больше же всего ему нравятся уроки пения. Еще бы, ведь их ведет замечательный тифлисец Мушег Агаян, которому предстоит стать композитором, музыковедом, заслуженным деятелем искусств Армении.

Затем для приобретения основ «настоящей профессии» юношу отправляют в Коммерческое училище на Николаевской площади (сейчас здесь проходит улица Хетагурова). И тут в жизни Арама появляются музыкальные инструменты, на которых он играет... не зная нотной грамоты. Первый — старый рояль, который вдруг покупает его отец, так и не сумевший объяснить, зачем он это сделал. Наверное, «для солидности» дома, в котором всегда много гостей. Половина клавиш этого рояля

В пансионе Аргутинской-Долгоруковой. Арам — второй слева в первом ряду

А. Хачатурян – учащийся Коммерческого училища

не работает, и единственным, кто садится за него, становится Арам. Он на слух наигрывает запомнившиеся мелодии: «Вскоре я совсем осмелел и начал варьировать знакомые мотивы, присочинять новые. Помню, какую радость доставляли мне эти — пусть наивные, смешные, неуклюжие, но все же первые мои попытки композиции».

Второй инструмент – духовой, теноргорн в любительском оркестре училища, которым руководит капельмейстер Гансиорский. «Его усилиями оркестр добился известных успехов и числился среди лучших оркестров города», – вспоминал Арам Ильич. Технику игры он осваивает быстро, но вот в чем признается позже: «Марши и танцы скоро приелись. В унынии от однообразия своих незамысловатых партий, я стал импровизировать «контрапункты» и ритмические структуры к темам исполняемых пьес. «Если вы, молодой человек, будете так рьяно проявлять дерзость, я выставлю вас вон», – заявил капельмейстер, заметив мои эксперименты. Пришлось пыл свой поубавить и более осторожно продолжать упражнения, стараясь не раздражать не слишком, правда, тонкое ухо капельмейстера».

Следующие несколько лет вмещают в себя массу событий: Первая мировая война, революции, обретение Грузией независимости, установление советской власти. А еще – войны, которые вели молодые государства Южного Кавказа. Одна из них повлияла на семью Хачатурян. О ней сейчас редко вспоминают – об армяно-турецкой войне 1920 года. Турки шли по Армении, ставшей препятствием прямым отношениям между Советской Россией и кемалистской Турцией. Шли по стране, территория которой наиболее удобна для коридора, шли и в сторону Грузии, объявившей нейтралитет. Ну а помогала им печально известная 11-я Красная Армия – главный инструмент тогдашней Москвы для решения закавказских проблем в свою пользу.

В итоге вся территория Армении, кроме Эривани и окрестностей озера Севан, занята турками. Когда они подходят к городу Лори, с XIII века по 1917 год принадлежавшему Грузии, а потом ставшему нейтральной зоной, среди части армян, живущих в грузинских городах и селах, начинается паника – слишком свежа память о геноциде 1915 года. Поддаются этой панике и Илья с женой, у которой геноцид унес всех родных. Бросив квартиру и мастерскую, они отправляются с двумя младшими сыновьями на Кубань, в Екатеринодар (ныне – Краснодар), где живет их старший сын. «Это были страшные дни, полные тревоги, морального и физического напряжения. Достаточно сказать, что почти весь путь, в том числе через Военно-Грузинскую дорогу, мы прошли пешком, неся на себе какой-то жалкий скарб. К счастью, турецкие палачи не добрались до Тифлиса. Осенью того же года мы вернулись домой...», – вспоминал композитор.

Жизнь возвращается в свое русло, но уже не совсем прежнее: вскоре Грузия становится советской. А где советская власть, там и бурная агитация в ее пользу. И в 1921-м Арам отправляется, можно сказать, в свои первые гастроли он – в составе агитгруппы, выехавшей в Армению специальным поездом, чтобы разъяснять «великие идеи Октября», распространять листовки и брошюры, проводить концерты и лекции. Не знающий нот, но «дружащий» с пианино ученик Коммерческого училища выступает в роли тапера: «Один из дешевых товарных вагонов состава, на котором приехала группа, был превращен в концертную эстраду с пианино, стоящим перед открытыми дверями.

Старший брат композитора Сурен

Когда поезд останавливался на запасном пути какой-нибудь станции, я начинал играть бравурные марши. Члены нашей бригады при помощи рупоров принимались созывать публику, немедленно собиравшуюся перед вагоном. Начинался митинг, сопровождавшийся песнями, несложными концертными номерами, раздачей пропагандистских материалов. Я и сейчас часто вспоминаю неподдельные восторги разношерстной публики».

А потом из Москвы приезжает брат Сурен. Он на 14 лет старше Арама и пишет жене о своих братьях: «Эти мальчики ходят за мной, как за папашей, смотрят мне в рот, что я им скажу и возьму ли с собой». Куда же они хотят отправиться? Дело в том, что Сурен приехал на родину набирать молодых актеров для Армянской драматической студии в Москве. Учась на историко-филологическом факультете Московского университета, он увлекается сценой, становится помощником режиссера в Московском художественном театре, затем – заведующим постановочной частью Первой студии при МХТ, созданной Евгением Вахтанговым, Михаилом Чеховым и Леопольдом Сулерджицим, дружит с Константином Станиславским и Владимиром Немировичем-Данченко...

«Ну, какой из тебя коммерческий советник?! Займись-ка лучше искусством», – заявляет он Араму. И тот вместе с будущими студийцами отправляется в Москву. Поездка эта занимает... 24 дня. Из-за разрухи на крупных станциях приходится долго ждать, пока к вагону вновь прицепят товарные теплушки, постоянно отгоняемые на запасные пути. И чтобы не терять времени даром, молодежь, едущая покорять Москву, проводит концерты в железнодорожных клубах. Там Арам – пианист-аккомпаниатор и руководитель хоровых номеров. А добравшись, наконец, до Москвы, в которой культурная жизнь бьет ключом, он оказывается в новом, ошеломляющем мире. Из Арбатского переулка, где живет Сурен, спешит на симфонические концерты и в лучшие театры, восторгается выступлениями Маяковского. А дома – приходящие к брату знаменитости, споры о музыке, театре, литературе. И все советуют ему всерьез заняться музыкой. Но...

«Мой отец, горячо любивший народную музыку, тем не менее, узнав о том, что я, уже живший в Москве, собрался поступать в Музыкальный техникум имени Гнесиных, с горькой иронией спрашивал меня: «Ты что, собираешься стать сазандаром?» – то есть уличным музыкантом, играющим на рынках, на свадьбах и похоронах. Взрослые считали, что музыка – занятие не для мужчины. Отец желал, чтобы я стал инженером или врачом. Да кем угодно, только не музыкантом».

И он поступает на подготовительные курсы при Московском университете. Изучает химию, зоологию, анатомию человека, морфологию растений, становится студентом биологического отделения физико-математического факультета. Но музыка все равно влечет. И осенью 1922 года он прихо-

дит в музыкальный техникум, созданный сестрами Гнесиными и снискавший славу лучшего подготовительного музыкального учебного заведения Москвы: «Не имея никакой, даже элементарной теоретической подготовки, я предстал перед комиссией. Для пробы голоса и слуха бойко спел что-то вроде «жесточкого» романса «Разбей бокал», вызвав улыбку у экзаменаторов... Я легко справился с испытаниями слуха, чувства ритма и музыкальной памяти, несмотря на то, что все эти задания мне приходилось выполнять впервые в жизни. Вскоре после окончания экзамена мне сообщили, что я принят в музыкальный техникум, но неизвестно по какой специальности».

Этот парадокс объясняется тем, что 19-летний парень явно одарен, но никаких профессиональных навыков у него нет. Основательница и глава техникума Евгения Гнесина проверяет его слух, а он не понимает, что от него требуется. По ее просьбе, играет на рояле какую-то популярную тогда мелодию. Она «была явно не в восторге от всего, что я изобразил, но она поняла, что пред нею взрослый парень – у меня пробивались усики, – и

А. Хачатурян – студент Московской консерватории

сказала, что на рояле мне уже поздно учиться, но если я хочу, то могу обучаться игре на виолончели». Вообще-то, поздновато учиться и этому, но в недавно открытом классе виолончели – нехватка студентов. Так что надо доставать инструмент.

Выясняется, что виолончель, да еще созданная на знаменитой фабрике Циммермана, есть у родственников жены Сурена, но живут они далеко – в 249 километрах от Москвы, в Коврове. Так Арам отправляется еще в одну, навсегда запомнившуюся поездку: «В вагоне было нестерпимо холодно. Все пассажиры лежали на нарах, тесно

Арам и Нина

прижавшись друг к другу, ехали в полной темноте. Когда наш поезд уже приближался к Москве, я проснулся в объятиях какого-то бородатого мужичка, которому, так же как и мне, подушкой служил футляр виолончели...».

Получив заветный инструмент, он пытается наверстать все, в чем отстает от однокурсников, на грани одержимости изучая теорию, историю музыки и технику игры, освоить которую в 20 лет, а не в детстве, очень трудно. Да еще надо зарабатывать на жизнь. И Арам становится грузчиком в винном магазине, поет с братом Леоном в хоре армянской церкви. В итоге он режет палец о разбившуюся бутылку, и приходится на несколько недель прервать занятия. По предложению Гнесиной начинает заниматься репетиторством, но, стремясь поскорее овладеть инструментом, так перетруждает пальцы левой руки, что долго не может даже шевелить ими. И именно в эти нелегкие для него дни 1925 года Хачатурян получает судьбоносное предложение.

Композитор Михаил Гнесин, брат основательниц техникума, предлагает оставить виолончель и начать занятия в только что открытом им экспериментальном классе композиции. Поколебавшись, Арам соглашается. Отзывается он и на предложение брата Сурена – приходить в Дом культуры Советской Армении в Москве, где собираются видные артисты, музыканты, композиторы, ученые, литераторы. И Арам не просто ходит в Дом культуры, а активно включается в его работу, ведет музыкальные занятия в детском садике и школе: «Работая в детском саду, я создал там шумовые оркестры. Слава о них распространилась в Москве, и нас приглашали выступать в другие детские сады... Работа с детьми дала мне очень много. Она будоражила фантазию, заставляла находить точные краски для выражения мысли». Его даже несколько раз командируют в Ереван – искать та-

лантливых детей. В один из приездов ему показывают пятилетнего мальчика, который, едва доставая ногами до педалей, обожает импровизировать на рояле. Хачатуряна потрясают слух, музыкальная память и чувство ритма ребенка, он советует родителям обратить на все это серьезнейшее внимание. А зовут мальчика Арно Бабаджанян...

С учебой дела идут отлично. Арам знакомится с пришедшим в техникум Рейнгольдом Глиэром, и в последующие годы создатель первого советского балета очень многое дает в творческом плане начинающему композитору. Которому приносят успех первые же сочинения – Танец для скрипки и фортепиано, Поэма для фортепиано.

Михаил Гнесин свидетельствует: «Сочинения, которые он писал чуть ли не к концу второго года занятий, были так ярки, что уже ставился вопрос о возможности их обнародования. Ряд пьес, вскоре принесших известность Хачатуряну, был написан им в бытность учеником музыкального техникума». В общем, хотя на нелегкой музыкальной стезе осознано еще не все, уже ясно: рождается композитор со своим языком гармонии и великолепной импровизацией в изложении задуманного.

...Осень 1929 года. В Московской консерватории завершаются приемные экзамены. В их протоколе можно прочесть: «Испытательная комиссия приемного экзамена на научно-композиторский факультет, решила зачислить Хачатуряна на первый курс консерватории в числе семи абитуриентов, отобранных из нескольких десятков». Учится он у все того же Михаила Гнесина, а когда тот в 1931-м покидает училище, переходит в класс одного из крупнейших симфонистов первой половины XX века Николая Мясковского. В этом классе происходят два знаменательных события.

К Мясковскому приходит Сергей Прокофьев, ему настолько нравится хачатуряновское Трио для кларнета, скрипки и фортепиано, что знаменитый композитор рекомендует это произведение к изданию. И сочинение студента исполняется не только в СССР. А студент этот влюбляется в однокурсницу Нину Макарову, в будущем тоже ставшую композитором, и в 1933-м они женятся. Первый, короткий брак Хачатуряна к тому времени уже распался. Те, кто близко знал Арама и Нину, единогласно признают: то был союз двух абсолютно противоположных людей. Он, общительный и жизнерадостный, может работать в любое время и где угодно. Она, более закрытая, работает только в тишине и одиночестве. Но они удивительно дополняли друг друга, не могли существовать порознь. Дочь от первого брака Нунэ он любил не меньше, чем сына Карена, рожденного Макаровой, во всем помогал ей. Кстати, положительных персонажей балета «Гаянэ» зовут так же, как детей Арама Ильича.

Думается, что никто из студентов, посвятивших себя музыке, не может похвастаться консерваторским достижением Хачатуряна – за годы учебы он создает более 50 произведений в раз-

личных формах и жанрах! Первое крупное среди них – «Танцевальная сюита». Подлинным же триумфом становится дипломная работа – «Первая симфония». После двух лет, проведенных в аспирантуре, рождается «Фортепианный концерт», посвященный первому исполнителю Льву Оборину. Фамилия Хачатуряна золотыми буквами высекается на мраморной Доске почета консерватории. И именно студентом он убеждает отца, что избрал правильную стезю.

«Отец мечтал, чтобы я стал юристом, инженером или врачом. К музыке, как к профессии, относился с недоверием. Однажды, в мою бытность студентом консерватории, приехал ко мне в гости. В эти дни я был очень занят творческой работой и подолгу не отходил от пианино. В один из вечеров отец, чьей надеждой и гордостью был я, с грустью сказал мне: «Сынок, это брэнчание не прокормит тебя...». Я в свою очередь пытался убедить его, что музыка – мое призвание, и я не мыслю жизни без нее. Выслушав мои доводы, отец, улыбнувшись, согласился: «Ну, сынок, тебе виднее, наверное, ты прав». Спустя три дня после разговора, придя домой, я положил на стол сверток. Отец поинтересовался: «Что это?» И когда я сказал, что это гонорар за мое «брэнчание», он откровенно удивился: «Неужели за музыку так щедро платят?» На что я ответил, что важнее денег то, что мой труд принят и высоко оценен».

Вообще же, период после окончания консерватории в 1935-м до начала Великой Отечественной войны – один из самых плодотворных. Самое знаменитое – Скрипичный концерт и первый армянский балет «Счастье». Помимо симфонической музыки многое создается для театра и кино, в частности, полифония родного Тифлиса воссоздается в первом армянском звуковом кинофильме «Пэпо». В годы войны композитора вместе с Кировским театром эвакуируют в Пермь. Там рождается Вторая симфония, получившая Сталинскую премию, а «Счастье» перерабатывается в знаменитый балет «Гаянэ», также удостоенный Сталинской премии первой степени. «Я писал партитуру балета, не расставаясь с грелкой и манной кашей. К счастью, я пользовался столовой театра, которая снабжалась по тем временам потрясающе», вспоминал он. В 1944-м, уже в Москве пишется Гимн Армении.

После войны появляются Первый виолончельный концерт, Третья симфония, но тут, в 1948-м, выходит печально известное Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели». Оно разом перечеркивает работу Ваню Мурадели, Дмитрия Шостаковича, Прокофьева, Мясковского, Хачатуряна и других, объявленных формалистами. Их перестают издавать, почти не исполняют, и Арам Ильич начинает преподавать в консерватории, становится за дирижерский пульт. Потом снова возвращается к творчеству, создает новые шедевры. И вот что интересно: несмотря на то, что «композиторское»

С королевой Бельгии Елизаветой

постановление отменено лишь в 1958-м, заслуги Хачатуряна признаются и до этого: в 1950-м – четвертая Сталинская премия, в 1954-м – звание Народного артиста СССР.

В следующие два десятилетия он много пишет, получает Ленинскую и Государственную премии. А вершина его творчества – балет «Спартак». Арам Ильич воспитывает многих известных советских композиторов, объезжает со своими произведениями весь мир и шутит: «Побывал на всех континентах, кроме Австралии и Антарктиды». Он беседует о музыке с Чаплиным, Сибелиусом, Хемингуэем, Караяном, Стравинским, Папой Римским, королевой Бельгии Елизаветой и даже с Че Геварой.

Во всех странах сегодня сразу восклицают: «Хачатурян!», услышав вальс из пьесы «Маскарад», «Танец с саблями» из «Гаянэ» и танец Эгиды из «Спартака». А в скольких зарубежных кинохитах используются его произведения, в которых традиции западной классической музыки соединены с восточными напевами!

Когда его жена тяжело заболевает, он пишет: «Если Нина умрет, она уведет меня за собой». Так и происходит. В 1978-м, через два года после смерти Нины Владимировны, не стало и Арама Ильича. Сына тифлисского ремесленника, никогда не забывавшего, как его родной город «живет кипучей уличной жизнью, встречая каждое утро музыкальными выкриками торговцев фруктами, рыбой, мацони и завершая свой день сложной многоголосной полифонией...».

«Тигр и Лев»

ДЕСЯТАЯ ЖИЗНЬ ТБИЛИССКОЙ МЕЛЬПОМЭНЫ

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

В Тбилиси с успехом прошел X Тбилисский международный театральный фестиваль.

**БРОДСКИЙ
– БАРЫШНИКОВ**

...Старый петербургский дом с атлантами. Пустая покинутая квартира с высокими потолками. Большие окна с грязными стеклами. Вывороченный распределительный щит с висячими проводами. Раритетный бобинный магнитофон. Приметы минувшей эпохи: Ленинград 60-х-70-х прошлого века. Словно ощущаешь болотистый, пахнущий водорослями петербургский воздух. «В поисках утраченного времени» вспоминаются размышления Марселя Пруста: «Места, которые мы знали, существуют лишь на карте, нарисованной нашим воображением, куда мы помещаем их для большего удобства. Каждое из них есть лишь тоненький ломтик, вырезанный из смежных впечатлений, составлявших нашу

тогдашнюю жизнь; определенное воспоминание есть лишь сожаление об определенном мгновении; и дома, дороги, аллеи столь же мимолетны, увы, как и годы...»... В спектакле Алвиса Херманиса через сценографию, ее мельчайшие подробности и детали, через магию постоянно меняющегося освещения, созданного художником по свету Глебом Фильштинским, и музыку God's Chorus of Crickets Джима Уилсона, демонстрирующую выразительные возможности современного саунд-дизайна, через пластику человеческого тела, а главное – через стихи машина времени переносит нас в ушедшую эпоху. Происходит виртуальное возвращение Бродского (и вместе с ним – Барышникова) на родину – хотя в реальности поэт так и не вернулся ни в СССР, ни в Россию... «Кто-то среди развалин бродит, вороша листву запрошлогоднюю. То – ветер, как блудный сын, вернулся в отчий дом и сразу получил все письма. Мир боль-

ше не тот, что был прежде, когда в нем царили страх, абажур, фокстрот, кушетка и комбинация, соль острот. Кто думал, что их сотрет, как резинкой с бумаги усилья карандаша, время? Никто, ни одна душа. Однако время, шурша, сделало именно это. Поди его упрекни. Теперь повсюду антенны, подростки, пни вместо деревьев».

«Возвращение на родину» – не единственный посыл этого спектакля, который сложно определить словом «моно». На сцене только Барышников. Но это – диалог двух друзей, творцов, современников, духовно близких людей. Они ведут разговор о жизни и смерти (эта тема, пожалуй, звучит в спектакле особенно пронзительно). На глазах зрителей совершается мистический ритуал, позволяющий Михаилу Барышникову соприкоснуться с (или проникнуться) духом Бродского. Возникает вопрос: кто произносит стихи? Барышников или его устами – Бродский? Ведь какие-то строки артист читает со знакомой интонацией поэта, затем включается сам Бродский – в магнитофонной записи. И моментами непонятно, где завершает чтение один и продолжает другой.

Чтение Барышникова – даже не чтение. Он произносит стихи очень просто, легко (иногда с закрытыми глазами), как бы разговаривая ими, точно передавая их суть, обнажая зерно, без какого-либо нажима и аффектации, словно обращая поэзию внутрь самого себя. И произносимое, хоть это и довольно сложная поэзия, с трудом воспринимаемая на слух, мгновенно находит отклик у образованной публики – той ее части, для которой имя Бродского что-то значит.

Сверхъестественный, мистический контакт Барышникова и Бродского возникает постепенно. Человек, появившийся со старомодным чемоданчиком в руках и настраивающийся на определенную волну, извлекает из него книги,

бутылку со спиртным и будильник, намекающий на ускользающее время. Просматривает стихи... и откуда-то издали раздаётся «...голос торопливый и неясный» – голос Иосифа Бродского. Он говорит о точке, которая всегда обозримей в конце прямой. «...Паутиной окованные углы придают комнате сходство с чемоданом. Дальше ехать некуда. Дальше отличить златоуста от златоротца. И будильник так тикает в тишине, точно дом через десять минут взорвется...».

Сценическое пространство пульсирует, комната, где воскрепают тени прошлого, то погружается в полумрак, то ярко освещается. Время от времени искрят провода распределительного щита, сверкая протуберанцами и разрушая медитативную тишину. В этой турбулентной атмосфере звучат стихи о бренности человеческого бытия, старости, жажде жизни. «Не хочу умирать. Мне не выдержать смерти уму. Не пугай малыша. Я боюсь погружаться во тьму. Не хочу уходить, не хочу умирать, я дурак, не хочу, не хочу погружаться в сознание во мрак. Только жить, только жить, подпирая твой холод плечом. Ни себе, ни другим, ни любви, никому, ни при чем. Только жить, только жить и на все наплевать, забывать. Не хочу умирать. Не могу я себя убивать...» («Письма к стене»).

Кульминация спектакля – стихотворение «В тот вечер возле нашего огня...», в котором выведен образ черного коня – вестника смерти. Поразительно, но это стихотворение поэт написал в 21 год. Барышников создает выразительный пластический образ черного коня.

В спектакле неожиданно соединение выразительного языка человеческого тела с поэтическим словом. Изломанная пластика, резкий жест, нервная экспрессия и выразительная графика танца Барышникова выражает все – силу, слабость, старение, душевные

и физические страдания, борьбу, любовь и даже вполне конкретный исторический контекст – эпоху со всеми ее гримасами и ужасами... Словом, все, из чего состояла и состоит человеческая жизнь – жизнь Поэта.

ХЕРМАНИС – БРОДСКИЙ – БАРЫШНИКОВ

В Доме писателей состоялась встреча с режиссером спектакля Алвисом Херманисом.

– Барышников не ощущает себя русским, коренным россиянином, хотя целиком принадлежит русской (а затем и американской) культуре. Наше знакомство произошло по моей инициативе. Для моего поколения интеллектуальных снобов из советского прошлого главными духовными авторитетами были философы Александр Пятигорский, Мераб Мамардашвили и поэт Иосиф Бродский. В Ленинграде было много великолепных поэтов того же поколения – среди них Анатолий Найман, Александр Кушнер, Евгений Рейн, но, как это часто происходит в истории, одна личность заслонила другие. Такой знаковой фигурой стал Иосиф Бродский.

Три года назад у нас была

первая заочная встреча с Барышниковым по телефону. Я собирался ставить в Парижской опере «Осуждение Фауста» Г. Берлиоза. Тенор Йонас Кауфман был приглашен на роль Фауста. Я придумал неожиданную версию, для которой мне нужен был танцовщик старшего поколения, равный своей сценической харизмой, энергетикой, значимостью Кауфману – это один из лучших голосов современной оперы. И я предложил Барышникову – через его окружение – принять участие в спектакле. Он сразу отказался: у Барышникова как у танцовщика была очень долгая история с Парижской оперой, и он не хотел вступать в одну и ту же реку во второй раз. В итоге я взял артиста труппы Пины Бауш Доминика Мерси.

А через полгода раздался звонок от Барышникова. Михаил предложил поставить драматический спектакль, но материал, который он имел в виду, не понравился мне. Так что мы были квиты... Прошел еще год. За последнее время я осуществил целый ряд оперных постановок для международных фестивалей в Зальцбурге, ставил в театре «Ла Скала». На одну из генеральных репетиций в Милане пришел Михаил Барышников. Он тогда репетировал с Робертом Уилсоном свой

Иосиф Бродский и Михаил Барышников

«Бродский/Барышников»

очередной спектакль «Письмо человеку» по дневникам Вацлава Нижинского. По нашей договоренности после генеральной репетиции Михаил Барышников пришел ко мне в гостиницу. В баре мы встретились, пили «Bloody Mary» и говорили, говорили... Это затянулось настолько, что многие работники бара ушли домой. Где-то до трех часов ночи мы просидели за беседой. Вспоминали наш родной город Ригу, говорили и на многие другие темы. Полушутя я спросил Михаила: возможно ли, чтобы человеческое тело, тело танцовщика вместо музыки использовало поэзию – к примеру, Иосифа Бродского? То есть, чтобы вместо музыки в спектакле звучала поэзия? Вопрос остался без ответа. Но через две недели Барышников позвонил и сказал, что всерьез стал об этом думать. Спустя несколько дней он приехал ко мне – я в это время репетировал в Швейцарии, в Цюрихе. Там мы уже перешли на чистую водку... Но после этого, когда началась работа, уже не пили. В процессе подготовки Михаил приезжал ко мне в те города, где я работал – на три дня, на неделю. Наш спектакль можно занести в Книгу рекордов Гиннеса, потому что большая часть репетиций проходила по скайпу. Часами по скайпу мы просто читали друг другу

стихи, работали над текстами. А потом я поехал к Барышникову. Но не в США, а в Доминиканскую республику, где у него маленький дом в Punta Cana, на берегу океана. Мне это казалось странным. Пальмы, тропическая жара под 40 градусов. Как в такой атмосфере можно Бродского репетировать? Но это место было такое грустное и красивое, что каким-то образом по духу слилось с настроением поэзии Бродского. Ведь за предельной красотой всегда стоит смерть. На вилле Михаила был небольшой балетный зал с зеркалами, где мы репетировали. Много, целыми днями говорили о Бродском, Барышников делился своими воспоминаниями.

Одно из главных обстоятельств, обусловивших рождение этого спектакля, – то, что Бродский и Барышников 22 года были самыми лучшими друзьями, очень-очень близкими людьми. Они познакомились сразу после того, как Михаил оказался на Западе. Поэтому наш спектакль – не совсем обыкновенный. Скорее это спиритический сеанс, диалог между двумя друзьями.

Перед самой премьерой, в последний момент обычно хочется сказать актеру что-то очень важное. И я сказал: «Миша, помни, что это никакой не моноспектакль. На сцене ты

не один, вас двое!» С самого начала во время действия Барышников очень редко глаза открывал. С закрытыми глазами говорил. Это был мой совет. Таким образом он избегает слишком тесного контакта с залом и максимально концентрируется на личности и поэзии Иосифа. Конечно, Барышников не драматический актер. В этом смысле, можно сказать, он полностью сохранил невинность. Как начинающий артист, студент. И в этом была большая польза для спектакля. Мне не нравилось, как профессиональные актеры обращаются с поэзией. Они начинают психологизировать стихи, что совсем не нужно, и очень редко подключаются к мистической, мелодической составляющей поэзии. Делают ее слишком конкретной, прозаической, хотя через любое стихотворение еще что-то свое сказать публике – про себя, про свои проблемы. А это неправильно. Как слушатель я хочу, чтобы актер мне не мешал самому входить в контакт с поэзией. Для меня идеальное чтение со сцены – это нейтральность. Можно сравнить с понятием «нейтральность» поверхность моря, когда нет волн, когда вода настолько спокойная и гладкая, как зеркальное отражение. А волны отражение искажают. Актер не должен мешать стиху, поэзия должна жить своей жизнью. В случае с Барышниковым мне повезло. Сейчас Михаил, наверное, и читает стихи технически. Но вначале меня буквально поразило, насколько в его чтении было мало ненужной техники. И только потом я узнал от Барышникова, что сам Бродский страшно не любил, как актеры читают его стихи. Даже те, которых он уважал и с которыми дружил. Такие, как Сергей Юрский и Михаил Козаков. Бродский ненавидел театр вообще. По его мнению, пьесы Шекспира – для чтения. И то, что сам сочинял, тоже предполагал для чтения. Ситуация с театром казалась Бродскому

слишком фальшивой. Так что этот спектакль – действительно не совсем обычный. Я его могу легко представить совсем без публики. Спектакль состоялся бы в любом случае. Потому что происходящее на сцене – это между Барышниковым и Бродским. Что-то очень личное. И все, что мы можем сделать, сидя в зале, – спокойно присутствовать на этом спиритическом сеансе. На уровне текста – это живая медитация. Молитва для актера. Каждый раз у Барышникова другое настроение. Дело в нюансах. Главное – чтобы все было по-живому. То, что артист делает телом, это более или менее импровизация.

С самого начала Барышников четко дал понять – нельзя использовать этот спектакль для зарабатывания денег. Слишком личное!

Премьера была в Риге, потом – в Нью-Йорке. Пришло много людей, лично знавших Бродского. Дружба Барышникова с Бродским мне пока не совсем понятна. Это была необыкновенная пара. Когда они встретились, это были двое молодых мужчин. Два жизнелюба. Их объединяла богема, общие приключения. Они друг друга в хорошем смысле использовали, чтобы войти в компанию другого. Бродский был авторитетом международного уровня. Благодаря ему Барышников вошел в круг нью-йоркской интеллектуальной элиты. В свою очередь через Барышникова Бродский познакомился с американской элитой искусства и шоу-бизнеса, голливудскими актерами.

ТЕАТРАЛЬНАЯ РЕЛИГИЯ ХЕРМАНИСА

– Истоки моей театральной религии – в географии. Рига, откуда я родом, исторически всегда была под влиянием двух культур, России и Германии. Немцы основали мой город, а в советское время была уже

другая история. В Риге жил актер Михаил Чехов, когда убежал из советской России. Он играл на латышской сцене, говорил на русском языке, остальные – на латышском... Этот невероятный коктейль – традиции русского и немецкого театров – нечто абсолютно невозможное химически. Но это примерно то, чем я и являюсь.

У меня совершенно разные спектакли – из тех, что видели в Тбилиси: «Рассказы Шукшина», «Долгая жизнь»... Главным для меня является то, что в центре спектакля должен быть актер. В этом смысле я очень старомодный режиссер. Концепт будущей постановки у меня, конечно, всегда имеется. Но мастерство профессионального актера, его личность, энергетика, харизма должны быть в центре.

– Господин Алвис, в спектакле «Бродский/Барышников» доминирует тема старения, смерти, страха смерти. Она же просматривается и в вашем спектакле «Долгая жизнь», которую видели тбилисские зрители.

– Я так не думал об этом, но когда анализирую то, что сделал за все эти годы, то прихожу к выводу, что все мои спектакли являются в каком-то смысле некрологами. Есть писатели, которые пишут новеллы, есть романисты, но существуют и талантливые мастера создания некрологов. Вот это мой жанр.

– В театре вы идете в ногу со временем и в то же время, по вашему признанию, являетесь приверженцем старой школы. Здесь нет противоречия?

– Полгода назад актер и режиссер Сергей Юрский приезжал в Ригу. У него был творческий вечер. И вот что я отметил: таких артистов-«динозавров» почти не осталось, так работать уже никто не умеет – надо честно признать. Современный театр придумал новые прекрасные направления, и актер

все реже и реже становится центром сцены – это очевидно. Актерское мастерство в последние десятилетия по всей Европе на моих глазах заметно упало. Я всегда стараюсь придумывать идеи будущих спектаклей для артистов старшего поколения. А сейчас я попал в противоположный капкан: набрал актерский курс и уже две недели являюсь педагогом. С молодыми интересно, но это инопланетяне. У них нет никакой связи с нашим XX веком. Это действительно другая планета. Мне с ними очень-очень интересно, но... это другое поколение. Почему качество молодых актеров, если сравнивать с тем, что было 30-40 лет назад, заметно понизилось? Я все время задаюсь этим вопросом. Хочу выяснить причину, следуя практическим путем.

В работе с актерами я обычно использую разные методики, причем всем известные, но при этом требую от них импровизации, и сам должен импровизировать. Я никогда ничего не записываю на репетициях, чтобы оставаться в этом жестком состоянии импровизации.

– Вы часто ставите оперные спектакли. Как относитесь к осовремениванию классических опер?

– Я много думал о том, по-

«Бродский/Барышников»

«Тигр и Лев»

чему в современной опере много модерна. Опера со времен итальянского композитора Клаудио Монтеверди всегда была для патрициев, для аристократии. Но с оперного режиссера, француза Жерара Мортье началась монументальная попытка привлечь к опере плебеев. Он считал, что оперу должны посещать люди, которые никогда туда не приходили. Публика, у которой нет образования, знаний в области музыки. Есть, конечно, и другие причины. Все, кто знаком с либретто большинства классических опер, знают, что с литературной точки зрения это полная чушь. Гениальная музыка в соединении с кошмарными, графоманскими историями. Режиссеры хотят этот момент как-то сбалансировать. Большинство либретто — это тексты, написанные 100-200 лет назад. И режиссер оказывается в этой шизофренической ситуации: зрители XXI века, музыка Моцарта XVIII века, а сюжет — из другого времени. С эстетической точки зрения это полный абсурд. Ни один дирижер не хочет, чтобы его обозвали старомодным нафталином. Боится этого и хочет, чтобы это выглядело все-таки по-современному. Я, например, иногда старался придумать такое сценическое решение, чтобы оно было и современным, и классическим. Однажды ставил оперу Верди

«Трубадур» и предложил необычное решение: действие происходит в современном музее изобразительных искусств. Анна Нетребко — зрительница музея. Пласидо Доминго — старый сторож, который ходит по ночам и отвечает за пожарные дела. Эти люди так любят картины, что у них начинается настоящая «ночь в музее», герои с полотен оживают, и начинают разворачиваться интересные события. Пласидо Доминго надевает костюм своего персонажа и входит в эту историю уже в качестве героя оперы. Хотел порадовать и новаторов, и консерваторов, но в итоге разозлил обе стороны... В этом самая большая проблема, что оперная музыка — из другого столетия. Наверное, Моцарт влиял на своих современников так же, как на моих родителей — музыка ансамбля «The Beatles». Заниматься оперным делом — это все равно что передвигаться на машине времени туда — сюда. Ведь у каждой эпохи свой концепт красоты. Понял одно: невозможно радовать всех. Оперный спектакль всегда сопровождается скандалом. Опера и скандал — это одно и то же. Оперный режиссер каждый раз идет на самоубийство. Ведь у каждого свое представление о той или иной музыке. А когда приходит режиссер со своей концепцией, происходит насилие. Словом, безвыходная ситуация!

– В своем «Дневнике режиссера» вы написали, что искусство, по сути, ничего общего с успехом не имеет.

– Так должно быть. Но в наше время коммерциализации искусства художники мира так страшно зависят от успеха! Находятся под таким давлением, стрессом! Необходимость быть успешным — это, конечно, сильно давит. Когда смотришь работы Тарковского, Феллини, Антониони, то понимаешь, что такие фильмы никто сегодня не отважился бы делать именно по этой причине: чтобы быть с коммерческой точки зрения бо-

лее или менее успешным. Это я имел в виду.

– Только с этой точки зрения?

– Ну да. Нормально — когда искусство создается с ощущением внутренней свободы.

– Как у Барышникова в вашем спектакле.

– Это немного другой путь. Все-таки Барышников уже на таком уровне — звезда! — что он может иногда позволить себе не думать о таких вещах. Это приходит с опытом, когда ты имеешь признание и иногда — не всегда! — свободу. В таком случае ты можешь помедитировать и заглянуть внутрь себя.

– Как вы считаете, не слишком ли политика сегодня влияет на искусство?

– Их невозможно отделить друг от друга. Культура и политика испокон веков друг друга использовали. Так было всегда, как я понимаю.

НЕМЦЫ И ИСТОРИЯ ГРУЗИИ

Два немецких театра показали на Тбилисском международном фестивале близкие по своей сути спектакли — объединяет их грузинская тематика, связанная с XX столетием. Веком, подарившим миру, целую когорту жестоких диктаторов. The Staatstheater Karlsruhe представил совместный грузино-немецкий продукт — спектакль «Тигр и Лев» по пьесе Давида Габуния в постановке Даты Тавадзе. В фокусе его внимания — период сталинских репрессий, вернее, то, как он отразился на судьбах грузинской творческой интеллигенции. Речь идет о кровавых, трагических страницах прошлого Грузии. Перелистывать их — большое испытание для зрителей и ответственность для тех, кто решился вступить в это историческое пространство. Тем более, что поставил спектакль совсем еще молодой режиссер, и для него политиче-

ский террор 30-х годов XX века – «преданья старины глубокой». Но надо отдать должное Дате Тавадзе – он сумел точно реконструировать «красно-серую» эпоху; передать ее гнетущую атмосферу, ужас жертв лихолетья, поставленных перед жестким выбором – быть рабом (или негодяем) или не быть вообще; создать в спектакле «круг трагической безысходности», в котором оказались участники давних событий.

Спектакль Даты Тавадзе посвящен «голубороговцам», поэтам Паоло Иашвили, Тициану Табидзе, писателям Михаилу Джавахишвили, Нико Мицишвили, музыканту Евгению Микеладзе – всем, кто был уничтожен молохом репрессий. Но основное внимание уделено истории гибели Паоло Иашвили. Под давлением невыносимых обстоятельств – от него требовали объявить расстрелянного по приговору «тройки» Тициана Табидзе врагом народа – Паоло покончил жизнь самоубийством, застрелившись из ружья, подаренного ему другом.

С одной стороны, авторы «Тигра и Льва» с документальной точностью воссоздают на сцене то самое роковое собрание в Доме писателей Грузии, когда был поставлен вопрос о политической бдительности деятелей культуры, с другой – предлагают зрителям зловещую метафору механизма террора.

Действие происходит в казенной обстановке репрессивного учреждения. На фоне серых заляпанных грязью стен буквально кричит красный цвет пиджака представителя карательной машины. Еще один контраст: мирно беседующие (мы не знаем, о чем) за письменным столом улыбающиеся мужчина (в красном пиджаке) и женщина, а рядом разыгрывается сцена расстрела...

Дата Тавадзе поставил не реалистический спектакль – это не документальный театр, не хроника событий. В нем все построено по законам экспрессионизма и сюрреализма. Кричит

боль, выраженная через повторение одних и тех же режущих фраз, словесных формул, больных образов. Идет напряженный диалог между женщиной, пытающейся выяснить судьбу погибшего мужа, и представителем власти, сознательно вводящим ее в заблуждение. А рядом на стуле стоит убитый, покрытый белым саваном. В последующих сценах он «лежит» на свадебном пиршественном столе, присутствует на собрании в Доме писателей, полемицируя с партийцем, промывающим мозги литераторам, и утверждая свободу слова. В одном из эпизодов происходит как бы стихийное передвижение актеров – мгновенно меняются мизансцены. Бесконечно открывается и закрывается ящик письменного стола... Все эти действия создают ощущение какого-то безумия, тотального кошмара.

Значима с точки зрения национального самосознания грузинского народа семейная сага «Восьмая жизнь». И вновь ее представили немцы – Thalia Theater из Гамбурга. Спектакль по роману Нино Харатишвили поставил Йэте Стекел. Событием является уже сам роман «Восьмая жизнь», вызвавший огромный читательский интерес и получивший престижную премию Бертольда Брехта. Он охватывает значительный период истории – от начала XX века до нынешних дней. Харатишви-

«Восьмая жизнь»

ли написала «великую книгу», считает один из критиков газеты «Sueddeutsche Zeitung», «книгу, в которой дается обзор века и половины планеты».

Огромный роман, разумеется, не мог найти полного отражения в инсценировке, однако спектакль показал важнейшие вехи жизни нескольких поколений представителей грузинского рода Джаши – как и главные вехи в мировой истории и истории страны. Революция, гражданская война, установление советской власти, сталинские репрессии, хрущевская оттепель, брежневский период, события 9 апреля, обретение Грузией независимости и вновь гражданская война...

Впечатляет красивая, мощная метафора: большой ковер, висящий в глубине сцены. Он свернут в рулон и постепенно раскручивается – по мере развития сюжета. Течет бесконечная река жизни. Кинохроника разных лет создает фон, на котором разворачиваются бурные события сценического романа, наполненного радостями и страданиями, обретениями и потерями, любовью и ненавистью. Хотя негатив определенно превалирует: какова эпоха – такова и жизнь современников, таковы и персонажи, иногда обретающие почти карнавальные формы. Зловещий Лаврентий Берия, герои в красных буденовках, женщины в платьях и

«The Tiger Lillies»

масках такого же кричаще-платного цвета крови. Самоубийства, искусственное прерывание беременности в сталинских застенках, а после – сведение счетов с изуверкой, покалечившей героиню... Да, в чем-то это очень пафосная (хрестоматийная) история, поддерживающая в наших соотечественниках патриотические чувства и стойкую неприязнь к сравнительно недавней прошлой Грузии. С едким сарказмом изображена советская эпоха, причем под раздачу попадает все подряд – даже всеми любимый вокально-инструментальный ансамбль «Мзиури», мелькнувший на большом экране; детские песни – совсем, в общем, невинные, типа всем известной «Дважды два четыре». Звучит эта простая песенка, а по сцене на котурнах вышагивает карикатурный персонаж – советский офицер ростом с михалковского дядю Степу, рядом с которым – маленькая девочка, одна из представительниц рода Джаши. Конечно, в этом решении есть и некоторая тенденциозность. Что неудивительно: в спектакле «Восьмая жизнь», – как и в книге – утверждаются незыблемые европейские ценности, жирной чертой зачеркивается прошлое страны... В финале ковер размотан и «стекает» к авансцене – это обновленная река жизни народа Грузии, и перед последней представительницей рода Джаши Брилькой, окончательно

«Сигара Фрейда»

отряхнувшей прах прошлого, открываются еще неизведанные пути в счастливую жизнь. С европейскими ценностями.

ДИАЛОГИ ПОД КОЖЕЙ, И НЕ ТОЛЬКО

Пощекотали нервы и слух тбилисцев британские «хулиганы», короли черного юмора и блистательные музыканты «The Tiger Lillies», нашедшие, безусловно, своего автора – Эдгара Аллана По. Невеселая судьба писателя, его мрачные рассказы и стихи получили музыкальное трагически-комическое воплощение в музыкальном спектакле-фантазии Edgar Allan Poe's Haunted Palace (Дворец с призраками Эдгара По). Как сообщает источник, музыка «The Tiger Lillies» – это смесь

оперных арий, цыганских песен и шансона левобережного Парижа. Основные инструменты: маленький аккордеон Мартина Жака, контрабас Эдриана Стаута и барабаны с перкуссией Эдриана Хьюджа. А также: акустические гитары, духовые и клавишные инструменты, скрипки, звуки несмазанных дверей и двуручной пилы, сигналы велосипедного гудка и забавное хихиканье мешочка со смехом. Но, конечно, главная фишка «The Tiger Lillies» – необыкновенный тембр голоса Мартина

Жака, пробирающий до мурашек. В спектакле, показанном в Тбилиси, много волшебных сценических эффектов, приколов, юмора, но и «блюзовой» печали. Переполнена ею песня на знаменитые стихи Эдгара По «Nevermore!». И когда своим странным фальцетом ее исполняет клоун в котелке и жутковатом гриме – эффект возникает сильнейший.

Еще одно неожиданное театральное приключение предложили артисты из Швеции – монооперу «Сигара Фрейда». В образе ученого-психолога Зигмунда Фрейда предстал замечательный актер и вокалист Йонас Нербе. В остроумной музыкально-драматической форме были обыграны теоретические постулаты великого австрийского психоаналитика. Произошло

«Zhao Liang ART»

некое слияние искусства с наукой – таких примеров театр еще, пожалуй, не знал. Впечатление делает незабываемым отличная музыка композитора Ян-Эрика Сяйфа, великолепно исполненная художественным руководителем Stockholms Musik Theater обаятельным, статным Йонасом Нербе, и юмор, которым буквально пронизан спектакль. Во время действия зрители охотно включаются в интерактив – возникает живой диалог между артистом и публикой на тему секса и т.п. Уточним: музыкальный диалог!

Диалог со зрителем возник и на представлении «Диалоги под

«Cirkopolis»

кожей» коллектива барабанщиков-виртуозов из Малайзии «Hands percussion». Таинственный мир восточной культуры, вбирающий в себя астрологические элементы земли, воды, металла и огня и выраженный через инструменты – в основном различные виды ударных, а также смычковые (ребаб), заворожил публику. Искусство владения инструментами зависит от того, сможет ли исполнитель передать через них свой жизненный опыт. Артисты «Hands percussion» всецело, физически и эмоционально, отдаются творчеству, когда играют на китайских или японских барабанах, тарелках или музыкальных инструментах гамелана (традиционный индонезийский оркестр). Техника, которая используется в шоу «Hands percussion», показывает и новые тенденции в современном перкуSSIONизме. На творчестве коллектива отразилось влияние разных культур – индийской, малайской и китайской. Не могли не повлиять на уникальный стиль «Hands percussion» и его поездки в различные страны Юго-Восточной Азии и Европы. Те, кто отдает предпочтение азиатской культуре, имели возможность насладиться и восточной хореографией. Речь идет о высокопрофессиональной танцевальной группе из Китая «Zhao Liang ART» – на языке хореографии она продемонстрировала бое-

«Hands percussion»

вое искусство.

Яркий коллектив приехал к нам из Канады – «Cirque Eloize». Спектакль-мечта «Cirkopolis», построенный по законам драматургии, – это отнюдь не набор цирковых номеров, но – спектакль, объединяющий театр, цирк, хореографию, видеоряд. В нем показано противостояние человеческой индивидуальности, фантазии, таланта и жесткой бюрократической машины мегаполиса. На большом экране – то идеальный часовой механизм, очень и очень сложный, тысячи деталей, непрерывно крутятся шестеренки; то подавляющие своей мощью небоскребы. И вот мегаполис наполняется артистами цирка – акробатами, жонглерами, клоунами, город оживает, начинает искриться радостью, наступает праздник, уходит отчуждение, скука, страдание.

ГРУЗИНСКИЕ «КАНИКУЛЫ» АНДРЕЯ ЗВЯГИНЦЕВА

■ **Анастасия ХАТИАШВИЛИ**

Тбилиси не избалован посещением номинантов на премию «Оскар» или ярких фигур нового российского кино.

Таковым стал визит в столицу Грузии всемирно признанного режиссера и сценариста Андрея Звягинцева. Обладатель главного приза Венецианского и лауреат Каннского кинофестивалей, дважды номинант «Оскара» за фильмы «Левиафан» и «Нелюбовь» приехал в Тбилиси впервые, хотя признался, что мечтал об этой поездке давно.

В кинематографическом мире России и за ее пределами Звягинцев – персона авторитетная. Он мастер тонкого и мощного авторского кино, которое бьет по нервам, западает в

душу, заставляет сопереживать, не оставляет равнодушным. Поэтому приглашение такого профессионала в рамках проекта Тбилисского государственного университета театра и кино им. Ш. Руставели «Великие мастера современного кино» было шагом дерзким, ответственным и выигрышным. Потому что увидеть, услышать и, а если посчастливится, то еще и поучиться у такой звезды – дорогого стоит.

Как принято в Грузии, российского режиссера сначала околдовали грузинским вином, потом экскурсиями по Тбилиси и его окрестностям. Его зывали и в чарующий своими красотами край Кахети. «Но за несколько дней всех красот ва-

ших не увидеть», – взмолился Звягинцев и сконцентрировался на главном – на кино.

«Я счастливчик», – часто говорит Андрей Звягинцев о том, как он попал в мир кино. Ведь у него нет специального режиссерского образования. К этой профессии его приблизили два актерских – сначала в родном Новосибирском театральном училище, а потом в ГИТИС-е в Москве. Профессией же режиссера Андрей Звягинцев заболел в Музее кино, где имел возможность познакомиться с творчеством Антониони, Годара, Курасава, Бергмана и других культовых режиссеров. Нельзя не сказать о том, что он работал и дворником, и рекламщиком, и актером театра. И только в 2000 году, наконец-то, дебютировал как режиссер, сняв для сериала «Черная комната» три новеллы «Бусидо», «OBSCURE» и «Выбор».

Через три года прогремел фильм «Возвращение». За ним последовали фильмы «Елена», картина «Изгнание» по мотивам повести Уильяма Сарояна, короткометражка «Апокриф» в киноальманахе «Нью-Йорк, я люблю тебя», а потом и ключевые ленты «Картины», «Левиафан» и «Нелюбовь», а с ними и международная слава. Звягинцев стал обладателем многих международных престижных премий три «Золотых орла», «Золотой глобус», «Созар», «Феликс» и две «Ники». Дважды был номинирован на премию «Оскар».

В этом нелегком пути Звягинцева к режиссерскому Олимпу имела место и серьезная влюбленность в грузинский кинематограф. По воспоминаниям режиссера, в юности на него сильное впечатление произвели фильмы Тенгиза Абуладзе, а также картины Отара Иоселиани, в частности «Листопад», «Пастораль» и «Фавориты луны».

«Мы в течение долгого дня очень много говорили о грузинском кино. И получилось так, что у меня где-то в глубине памяти лежат и другие впе-

Интервью грузинской журналистке

чатления о грузинском кино. Я человек взрослый, наследник советского. А это та самая эпоха, когда грузинское кино – это было наше кино, единое пространство. К примеру, я вот вчера не вспомнил про Данелия, потому что думал, что он наш. А он, видите, ваш. А теперь что-то нас разделило. Понятно, что империя раскололась. Мы теперь разные страны. Но мне кажется, что культурный язык, язык искусства – он не имеет никаких границ. И это собственно подтверждает ваше намерение пригласить меня, и мое большое давнее желание посетить Грузию, Тбилиси. К сожалению, на это у меня очень мало времени. Буквально несколько дней. Но я очень рад, что я здесь», – поделился с грузинскими журналистами режиссер.

Почерк Звягинцева легко узнать – он всегда режет правдуюматку о том, что он видит и о чем не может молчать. Секретом такого смелого киноязыка во времена цензуры у Звягинцева поинтересовались и в Тбилиси. Он ответил: «Ты просто действуешь, как считаешь правильным, честным. Прямо смотришь на человека, на его связи с миром, на социальное устройство и свидетельствуешь. Вот и все. Другими словами, у меня есть мое желание говорить просто с че-

Фото – Вахтанг Джаджанидзе

На встрече со студентами

ловеком на языке правды и свидетельствования того, что нас окружает. И до тех пор, пока я смогу говорить прямо и честно о том, что я наблюдаю вокруг себя, я буду это делать».

В связи с этим признанием остается догадываться, насколько правдивое и честное кино Андрей Звягинцев снимет о Великой отечественной войне, а именно о блокаде Ленинграда. Ведь именно этим проектом режиссер, по его словам, займется в ближайшем будущем.

А пока в голове Андрея Звягинцева рождается очередная социальная драма, в Тбилиси восхищаются его работоспособ-

ностью и страстью к кино. Особенно повезло студентам Тбилисского университета театра и кино им. Ш. Руставели, где российский кинорежиссер 22 и 23 октября провел эксклюзивные мастер-классы в формате вопрос-ответ.

Напоследок же организаторы визита Андрея Звягинцева в Грузию оставили самое сладкое, или может быть горькое... Речь идет о фильме «Нелюбовь». Драматическую картину, за которую Звягинцев получил Приз жюри Каннского фестиваля, гостям и жителям Тбилиси 24 октября показали в большом зале столичного кинотеатра «Амирани».

В этот вечер в «Амирани» было столпотворение. В зале не осталось свободного места. Молодежь сидела на полу, у сцены, на лестницах. Два часа фильма – режиссерская версия. Звягинцев показал грузинам все без купюр, с ненормативной лексикой, вырезанной в России для проката. Удивительно, зрители смеялись и плакали. Наверное, сказалась привычка видеть в кино смех сквозь слезы. А потом долго-долго аплодировали. После чего их ждала открытая дискуссия с автором. Андрей Звягинцев ответил на все интересующие аудиторию вопросы. Попытался ответить. Ведь по

Фото — Анастасия Хатиашвили

После просмотра фильма

В марани

словам режиссера, несмотря на то, что заложено в картину сценаристом и режиссером, каждый видит в нем свое. «Не только мы смотрим фильмы, но и фильмы смотрят нас», — любит повторять Звягинцев.

А что касается фильма «Нелюбовь», режиссер привел в качестве примера очень показательный случай. Пробоваться на одну из главных ролей пришел актер, взял сценарий и должен был прийти на кастинг после его прочтения. На следующий день артист вернулся совсем другим. Он не спал всю ночь, читал сценарий, а когда прочел, то много и мучительно думал, а потом пошел к дочери и крепко обнял ее. Фильмы Звягинцева имеют такую особенность: они через чернь, ведут к очищению, к катарсису. Как сам говорит Звягинцев, чтобы стало хорошо, нужно выпить горькую пилюлю.

Лично для меня встреча с Андреем Звягинцевым и его визит в Грузию стал неким откровением. Я знала, что он большой мастер своего дела, знала, что его фильмы — это искренние истории о нас и о безумном мире, в котором каждый день разбиваются сердца и судьбы, а люди вольно и невольно делают друг другу больно. Но я не знала, что Звягинцев — такой глубокий мыслитель, носитель своей философии — о жизни и о любви.

Сам Звягинцев сказал об этом в Тбилиси так: «Секрет в том, что все мы знаем, что такое

В марани

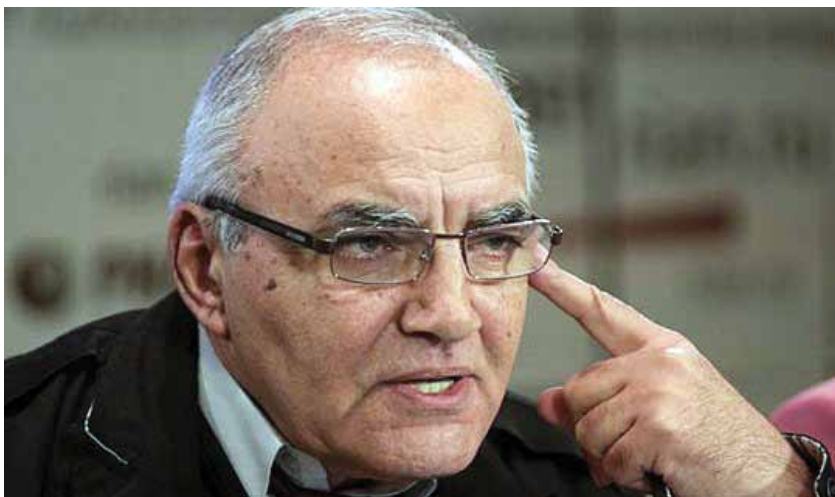
любовь и что такое нелюбовь. И мы можем выбрать то, что хотим, то, что более комфортно для нас. И именно из-за этого комфорта мы часто ошибаемся. Ведь не любить — легко, а для любви нужен большой труд и иногда жертвы».

Грузинские каникулы российского режиссера Андрея Звягинцева прошли интересно и насыщено. В стране, где великих — Вaju, Акакия, Илью, Галактиона — называют по имени, Андрея Петровича называли просто Андреем. Звягинцев побывал в древней столице Грузии Мцхета, где даже спел со студентами «Мравалжамизэр» — песню о вечном здравии.

Российский режиссер увидел грузинские винные погреба, побывал в семьях известных кинематографистов страны,

много общался с молодежью и журналистами. При этом стоит заметить, что Звягинцев — человек совсем не публичный. По его словам, даже «оскарская суматоха» и пребывание на множествах фестивалях А класса, церемониях престижных кинопремий, международных наград, вечерах и номинациях — для него не что иное, как пустая трата времени, которое можно использовать для дела.

Удивительно, сняв фильмы, он почти никогда их не пересматривает. Снял фильм и он живет своей жизнью, своей кинематографической судьбой. А Андрей Звягинцев идет дальше, ищет в жизни новые проникновенные истории и рассказывает их нам, какие бы страшные они ни были. Как говорится C'est La Vie — это жизнь.

Темур Чхеидзе

ВЕРНЫЙ СВОИМ ПРИНЦИПАМ

■ Инга БЕРИДЗЕ

Юбилей отмечает замечательный режиссер, Народный артист Грузии, Народный артист Российской Федерации Темур Чхеидзе.

Темур Нодарович – глубоко интеллигентный человек, обладающий при этом сильным, цельным характером и сохраняющий верность своим творческим принципам. Российский телеканал «Культура» назвал это однажды приверженностью классическим театральным традициям. Но Чхеидзе, скорее, – приверженец Театра в самом высоком, настоящем смысле этого слова. Приверженец негромкий, не кричащий о своих достижениях и обретениях, не поддающийся веяниям изменчивой моды, не пытающийся никому ничего доказать или что-то опровергнуть, но спокойно и последовательно делающий свое дело. Скромность, при выдающихся успехах в области театральной режиссуры, – одно из его главных качеств.

В своих постановках он никогда не стремится к плоской, одномерной актуальности, не ищет злободневности на потребу дня. Для Темура Чхеидзе главное – чтобы спектакль за-

трагивал какие-то струны человеческой психики, вызывал эмоции, вскрывал душу. Он ставит самых разных авторов разных времен – в его копилке Шекспир, Шиллер, Стриндберг, Чехов, Достоевский, Булгаков, разумеется, грузинские классики... «Злободневность меня мало волнует, – говорит режиссер. – Потому что, как мне кажется, люди мало меняются с годами и веками. Их страсти, желания, эмоциональный мир остались прежними. И не думаю, что я умнее Софокла, от которого меня отделяют 20 веков. Я думаю, что и о бытии надо размышлять, и о том, что такое человек. Зачем он находится на этой несчастной планете. И чем больше человек будет заниматься самоанализом, тем лучше. Тогда он, может быть, найдет причину своих несчастий в самом себе и перестанет искать преступника в других, без конца обвинять кого-то в своих бедах».

Именно нравственной проблематике посвящен один из последних спектаклей Чхеидзе «Метод Гронхольма» Ж. Гальсерана, который идет на сцене Тбилисского театра имени

К. Марджанишвили. Режиссер тщательно выстраивает взаимоотношения героев драмы, так что значимыми становятся даже такие детали, как оттенок интонации, поворот головы, мимолетный взгляд. Тем более, что почти детективный сюжет пьесы Жорди Гальсерана захватывает, увлекает, держит зрителя в напряжении с первой до последней минуты. «Почти детективный» – потому что здесь никого не грабят и не убивают... Но напряжение интриги, неожиданные сюжетные повороты и разоблачения присущи именно этому жанру. Некоторые считают пьесу психологическим детективом, а кто-то остроумно называет ее триллером из офисной жизни. Ведь действие пьесы разворачивается в некоем крупном холдинге, где проходит очередной тур по отбору кандидата на солидную руководящую должность. В конкурсе как будто участвуют четверо, однако собеседование превращается в жестокое испытание только для одного из них, поскольку остальные трое оказываются вовсе не участниками состязания, а психологами, тестирующими единственного претендента по «методу Гронхольма». Зрители вместе с героями попадают в пространство престижного офиса – в прозрачный пластиковый «футляр» со стандартной мебелью: столом и четырьмя стульями. Есть еще один говорящий элемент сценографии – нависший над сценой странный прибор. Как выяснится позже, аппарат для пристального наблюдения за объектами. За террасой – зеленая листва. Она кажется какой-то неживой, искусственной.

В этом выхолощенном интерьере главный герой – его зовут Фернандо – проходит через ряд испытаний, не предполагая, что только он, один из четырех, – объект изощренного эксперимента. Не знаем об этом и мы, зрители. С самого начала Фернандо более резок и нетерпим, чем остальные, «подставные» персонажи. В этом импозант-

«Метод Гронхольма»

ном герое чувствуется какое-то напряжение, с трудом сдерживаемое раздражение... Это типичный представитель современного мира, наполненного стрессами и конкурентной борьбой. Выживает, как говорится, сильнейший. Однако перед актером Н. Тавадзе стояла задача посложнее: показать, что за маской колючего, недоброжелательного, закрытого субъекта скрывается порядочный, тонко чувствующий человек, которого покалечила, но не сломала глобальная бездушная машина, управляющая нашим миром. И его агрессия, по сути, – попытка защититься от него. Но в том-то и парадокс, что Фернандо – неотъемлемая часть того мира, от которого он пытается дистанцироваться. Ведь он пришел в офис для того, чтобы победить, а не проиграть! В последующих сценах герой подвергается

целому граду психологических атак. Их суть – проверка. Может ли быть руководителем человек, переживший удары судьбы, долгое время находившийся в состоянии тяжелой депрессии, но, возможно, не очерствевший душой, не утративший в себе человеческое?

Вердикт психолога, до поры до времени игравшего роль конкурента главного героя, таков: «Нам нужен не хороший человек, похожий на негодяя, а наоборот: негодяй, похожий на хорошего человека!» Дело в том, что именно такой принцип если не декларируется, то негласно осуществляется сегодня при подборе кадров. Ведь для того, кто способен перешагнуть через добро, мораль, открываются большие возможности. Увы, именно такие люди нередко стоят у штурвала в нашем жестоком мире. Но тут возника-

ет другой вопрос. Можно ли считать сугубо человеческие проявления – любовь, сострадание, боль утраты, обиды – слабостью, а их отсутствие – силой?

В своих спектаклях Темур Чхеидзе часто задается такими вопросами бытийного, философского уровня. Вспоминается его спектакль «Пилат», поставленный по мотивам романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Т. Чхеидзе вычленил из всего многообразия этого произведения только линию взаимоотношений Пилата и Иешуа Га-Ноцри. Цель все та же – стремление заглянуть в глубь человеческой души.

В одном из интервью режиссера автор этих строк задала ему вопрос: «С тех самых пор, как существует наш мир, делаются попытки определить сущность человека. У Шопенгауэра – «человек страдающий», у американского писателя Джона Апдайка формула звучит так: «человек – это животное с трагической судьбой», для американского искусствоведа Эрика Бентли человек – это больное животное. Какая у вас формула человеческой сущности?» Ответ был таков: «Если я однозначно решу для себя, что такое человек, то потеряю всякий интерес к постановке спектаклей. Мы все настолько разные, что я не могу прийти к определенному мнению, вывести общий знаменатель, что такое человек. У человека действительно трагическая судьба. И он единственное существо, которое это осознает, знает, что в конце пути его ожидает смерть. Наша жизнь сравнима с пьесой, герой которой в конце умирает. И осознавая свою трагическую судьбу, человек вместе с тем наделен способностью смеяться, обладает чувством юмора, что спасает его на каком-то отрезке времени. А чему, казалось бы, смеяться? Я же точно знаю, что приговорен к смерти. Фантастика...».

Размышляет Темур Чхеидзе и о смысле жизни: «Я так и уйду с этого света, не поняв, в

чем смысл жизни. Последними словами Льва Толстого перед смертью, которые еще можно было разобрать, были: «И ничего...». Через несколько минут его не стало. Во всяком случае, так пишет Иван Бунин. Мы прекрасно знаем библейскую историю об изгнании из Рая. Тогда человеку было сказано, что он будет добывать хлеб насущный потом и кровью. Так что мы с вами в ссылке, отбываем срок, наказание».

Если говорить о том, что сформировало режиссера Темура Чхеидзе, то наиболее сильным и долгим оказалось влияние Михаила Ивановича Туманишвили – во всем: театральная эстетика, отношение к предназначению режиссера, сам подход к этой профессии. «Правда, ты должен со временем найти что-то сам, иначе учитель так и останется для тебя памятником», – подчеркивает Темур Нодарович.

Темур Чхеидзе учился в театральном институте на курсе Дмитрия Александровича Додо Алексидзе. «Его влияние было сложным, потому что сам Додо Алексидзе ни на кого не был похож. Его нельзя было соотносить с таким понятием, как школа. Он был явлением широким, всеобъемлющим, связанным со всем сразу. Мы были всего лишь на третьем курсе, когда Додо Алексидзе уехал работать в Украину, и просто не успели у него многому научиться. Что касается Михаила Туманишвили, то уже с детства, благодаря семье, я был в его кругу. Хотя с самого начала я не относился к нему как к учителю. Это произошло потом, постепенно».

На счету Темура Чхеидзе – более 70 спектаклей: драматические постановки, оперы. В качестве оперного режиссера он работал в Большом театре, Мариинке, Метрополитен-опера, Ла Скала.

Темур Чхеидзе ставил спектакли и на сцене МХАТа. В 1982 году по просьбе Олега Ефремова он выпустил «Обвал» по знаменитому роману Михаила

«ART»

Джавахишвили «Джакос хизнеби» – это был, по словам критиков, грандиозный спектакль. Спустя почти двадцать лет на мхатовской сцене появилась «Антигона» Ануя с великим Отаром Мегвинетухуцеси в главной роли.

Темуру Чхеидзе довелось работать с замечательными актерами: Серго Закариадзе, Эроси Манджгаладзе, Автандил Махарадзе, Жанри Лолашвили, Нана Пачуашвили, Гоги Харабадзе, Кахи Кавсадзе, Нодар Мгалоблишвили, Гоги Гегечкори, Саломе Канчели...

«Мы создали друг друга, – говорит Чхеидзе. – Если бы не они, я бы не стал режиссером. Актеры с самого начала настолько мне доверились, что это стало более решающим фактором, чем готовая продукция. Всегда, в любом возрасте, я был рядом, вместе с актерами. На репетициях проблем не помню. Ну, сегодня не получилось – получится завтра, послезавтра. Может быть, и ничего не получится. Но я уверен, что актер простит режиссеру неуспех, но не простит того, что репетиции не приносят ему удовольствия, что ему не интересно. Помню, как Гига Лордкипанидзе сказал, что я должен поставить в театре имени Марджанишвили «Привидения» Ибсена. Были определены замечательные актеры

– Верико Анджапаридзе, Акакий Васадзе, Софико Чиаурели, Нодар Мгалоблишвили и Гиви Берикашвили. Великие Верико и Акакий вели себя со мной так, будто я уже сложившийся, опытный режиссер! Увы, я всегда думаю о том, что ставить и только потом о том, кто это должен играть, а так хотелось поработать с замечательными актерами еще и еще раз...».

Говорил режиссер и о своих недостатках.

«Мой главный недостаток – то, что я долго принимаю решения, взвешиваю. Хотя бывают ситуации, когда долго думать нельзя. Наверное, были в жизни ситуации, когда мне нужно было быть более категоричным, когда меня обвиняли в отсутствии твердой позиции. Одно знаю – подлости я никогда не делал. А вот ошибок сделал немало. Иногда говорят, что если бы была возможность прожить жизнь заново, то не совершили бы столько ошибок. Но, наверное, большинство ошибок повторилось бы – ведь человек останется самим собой и будет вести себя в тех или иных ситуациях точно так же».

От всего сердца поздравляем любимого режиссера-философа, режиссера-психолога с юбилеем и ждем его новых постановок!

ЗОЛОТАЯ КАРЕТА ДЛЯ ЛЮДМИЛЫ

Людмила Артемова-Мгебришвили

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

Мне посчастливилось не однажды брать интервью у заслуженной артистки Грузии Людмилы Артемовой-Мгебришвили, а для близких, коллег и друзей просто – Люси. Первый мой материал назывался (возможно, слишком вычурно): «Золотая карета для Людмилы». Но он отражал восхищение молодой журналистки обаянием и талантом ведущей актрисы Грибоедовского театра. Вот как оно начиналось: «Строгое, даже замкнутое, отрешенное лицо – и вдруг озорная, лукавая улыбка, изменившая его выражение. Изысканная, но немая, молчаливая красота словно озарила светом души, заговорила... Затрепетали пальцы, сжимавшие сигарету. Актриса Людмила Мгебришвили, будто приехавшая на интервью в золотой карете, – женское лицо Тбилисского русского драматического театра им. А.С. Грибоедова».

Новые встречи с актрисой только подтверждали, углубляли первые впечатления – как от сценических созданий Артемовой, так и от ее человеческих качеств. И вот спустя годы сижу

на спектакле-фантазмагии «Ревизор» в постановке Авто Варсимашвили и с наслаждением наблюдаю за игрой Людмилы, за всеми нюансами ее существования в образе Анны Андреевны. Кокетливой и очень амбициозной женщины с неосуществившимися мечтами о женском счастье и красивой жизни в Санкт-Петербурге. Городничиха (смешная деталь: читая письмо мужа, она... не сразу вспоминает, что Сквозник-Дмухановский, подписывающий послание, и есть ее благоверный) то и дело поправляет свою пышную прическу и предвкушает встречу с мифическим персонажем из прошлого: «Он с усами? Он полковник! Полковник!!!» Нереализованные надежды, чрезмерное тщеславие и были причиной ее роковой ошибки, в результате которой Анна Андреевна потеряла свое честное имя и стала всеобщим посмешищем. В спектакле Авто Варсимашвили она полна противоречий: то резко отталкивает, даже оттаскивает свою дочь от важной персоны, на которую сама положила глаз, то толкает

Марию Антоновну на путь греха – в объятия Хлестакова. Героиня – такая, какой ее играет Людмила Артемова-Мгебришвили – вызывает неоднозначное отношение. С одной стороны, мы осуждаем Анну Андреевну и смеемся над этой некогда весьма красивой, да и сейчас не утратившей свою привлекательность порочной женщиной, питающей слабость к полковникам и «готовой ко всем услугам» ради возможности жить в столице, с другой – сострадаем ей. Особенно в финале, когда почтенная дама слышит оскорбительные слова в свой адрес от щелкопера-лже-ревизора и, вскрикнув, в ужасе опускает голову на руки, закрывая лицо от позора. Ей стыдно и страшно.

А через несколько дней актрисе выходить в еще одном спектакле по Гоголю – мистической комедии «Женитьба» в постановке А. Варсимашвили. Но уже в роли купчихи Арины Пантелеймовны. Это уже совсем другая женщина, в которой ни капли кокетства: у тетушки Агафьи Тихоновны только одна забота – как бы пристроить

свою засидевшуюся в девках любимую племянницу. Арина Пантелеймовна – Артемова-Мгебришвили – особа обстоятельная, серьезная, с большим жизненным опытом, ко всем относящаяся с некоторым недоверием – словно в ожидании чего-то недоброго. И предчувствия ее не обманули. Краски, которые использует в этой работе актриса, сочные, яркие. Особенно в сцене-дуэли со свахой Феклой Ивановной, когда Арина Пантелеймоновна на гребне эмоций старается доказать, что купцы покруче дворян будут. Ее горе в финале неподдельно – тетушка глубоко сопереживает обманутой женой Агафье Тихоновне и в сердцах даже плюет в лицо интригану Кочкареву.

В прославленном спектакле «Холстомер. История лошади» по Л. Толстому Людмила Артемова играет нежную, любящую Авто Варсимашвили, моя Вязопуриха выступает как символ единственной любви, сопровождающей главного героя, и она практически все время на сцене. Конечно, эта роль мне очень дорога, и я с огромным волнением подхожу к каждому спектаклю. Совсем не важно, большая роль или маленькая отведена тебе в постановке, каждая требует работы и шлифовки», – говорит актриса.

В документальной драме «А.Л.Ж.И.Р.» режиссер Авто Варсимашвили доверил Артемовой сложнейшую драматическую роль – узницы Акмолинского лагеря жен изменников родины. Каждый выход на сцену в этой постановке для Людмилы Ивановны – серьезное испытание, своего рода экзамен. Она проносит через себя, свою душу страдания одной из женщин (или всех женщин!) лагеря смерти.

«Отняли все! Но мое останется со мной! Я переживу даже этот карцер!» – «Я не буду падать!» – как заклинание твердит Женщина, сначала приговоренная к расстрелу, а позднее помилованная – казнь заменили десятью годами заключения... Людмила Артемова-Мгебришвили играет эту сцену с огромной трагической силой. В этом

отчаянном «я не буду падать!» выражен яростный протест против насилия – с одной стороны, и страха – с другой. Сохранить человеческое достоинство любой ценой – это было главное в А.Л.Ж.И.Р.е! Идея, ясно выраженная в спектакле: они выстояли вопреки всему, потому что были сильными и жизнестойкими. Но при этом оставались просто женщинами... Впечатляет финал. Лаконичный, сдержанный, беспасфосный. Взгляд Л.И. Артемовой-Мгебришвили, устремленный в сегодняшний день из далеких 30-х. «Я должна выжить и рассказать, – говорит Женщина из А.Л.Ж.И.Р.а. – Я буду свидетельствовать!»

Разные роли. Разные судьбы. Разная стилистика игры. И перевоплощение настоящей, большой актрисы.

Творческая судьба у Людмилы сложилась очень успешно. По окончании в 1970 году ВГИКа, где Артемова училась на курсе Бориса Бабочкина, она выходит замуж и приезжает со своим избранником в Тбилиси. Становится актрисой русского театра имени А.С. Грибоедова и очень скоро попадает в команду, которую собрал для своего спектакля «Дорога цветов» В. Катаева режиссер Петр Фоменко.

«Сегодня, спустя годы я еще больше ценю то, что подарила мне судьба в конце 1971 года: встречу с Петром Наумовичем Фоменко, – вспоминает актриса. – Чем больше времени проходит, тем чаще я его вспоминаю и тем ярче эти воспоминания. Хотя принято считать, что с годами память притупляется, ты устаешь, и многое улечивается».

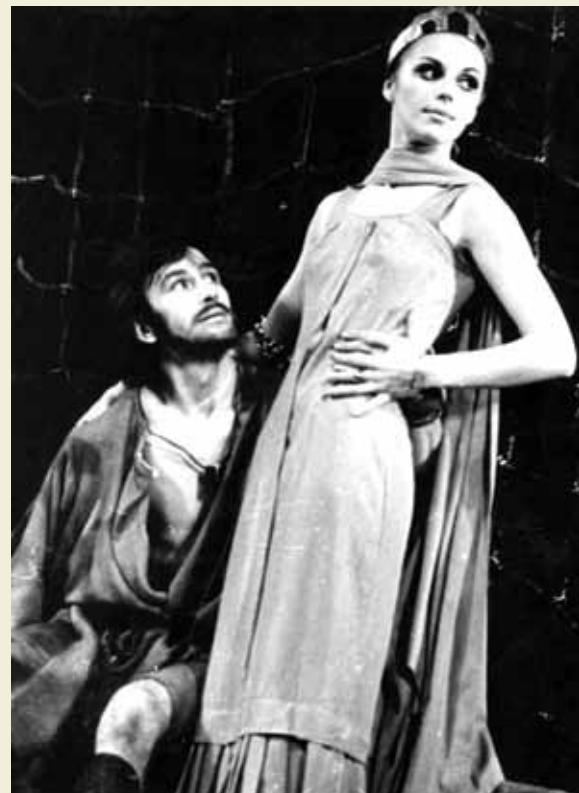
Но вот первый мой спектакль!.. Может быть, потому, что он был самым первым? А может быть, потому что режиссером был Петр Фоменко? Да и труппа была замечательная – сначала репетировал Арчил Гомиашвили, а также: замечательные артисты Даниил Славин, Тамара Васильевна Белоусова, Мария Спиридоновна Кебадзе, Лара Крылова, Юрочка Васильев. Это было так интересно! Сегодня так хотелось бы повторить эти

мгновения. Репетиции были настоящим праздником. Казалось бы, работать с таким гением – это так сложно. Но было – легко! Потому что он мог показать, и становилось ясно абсолютно все. Не нужно было ничего объяснять, вести долгие разговоры о работе над ролью, выявлять сверхзадачу. Фоменко показывал один какой-то штрих – самое главное, что нужно было схватить. Будь то походка, интонация, взгляд... Петр Наумович ко всему прочему был блистательным актером. Он создавал фантастическую атмосферу на репетициях, и в итоге родился потрясающий спектакль!»

Людмила Артемова-Мгебришвили принадлежит к числу актеров, востребованных всегда, находящихся обобщенным языком с любым режиссером и партнерами по сцене. Когда она была совсем еще молодой актрисой, ей предрекла счастливую творческую судьбу известный театровед Натела Урушадзе – в своей статье, посвященной работе Людмилы в спектакле «Сестры» Л. Разумовской в постановке Гизо Жордания:

«Каждое появление Л. Артемовой на сцене, каждое ее участие в созданных драма-

«Забывать Герострата»

тургом ситуациях, каждый контакт с другими действующими лицами настолько эмоциональны, что любой эпизод – это настоящая схватка... Л. Артемова – мастер. Ей недостаточно быть правдивой и чистой, логичной и несущей зрителю главную мысль, даже в минуты безграничного самовыражения. Это все только для того, чтобы в воображении зрителя возник художественный образ. И действительно, встреча с ее Ольгой заставляет многое вспомнить. Например, очень красивое одинокое дерево во время урагана, которое вот-вот сломается. Но нет, распростертое, распластанное по земле, как будто выдернутое из почвы, оно все равно живет, все равно стоит. Потому что сильнее урагана душа, несущая добро другим. Но это после спектакля. А на спектакле вы в плену жизни Ольги. Такой плен приносит величайшую радость как зрителям, так и актрисе, которая ощущает всем своим существом, как вместе с ней проживают жизнь ее героини сотни зрителей. Этот один сценический образ не просто творческая победа Л. Артемовой. Создавая роль, актриса выразила свое отношение к жизни, проявила себя как высокоталантливый художник. Сейчас совершенно ясно, что актриса внутренне готова для решения сложнейших творческих задач».

И с этими творческими задачами Людмила Артемова-Мгебришвили, наделенная к тому же незаурядным аналитиче-

«Ревизор»

ским умом и интуицией художника, талантливо справляется на протяжении многих лет.

Вспоминается ее замечательная работа в спектакле Гоги Кавтарадзе «Женщина» Леонида Андреева, где Артемова ярко исполнила роль роковой женщины – Екатерины Ивановны. В спектакле исследовались тайны женского естества, могучая стихия пола. Те необратимые изменения, которые произошли в Екатерине Ивановне – Людмиле Артемовой, психологически были вполне оправданы. Что случилось с героиней? Душевный надлом? Нет, надлом гораздо более серьезный – духовный, что привело к серьезному «сдвигу» в Екатерине Ивановне, полнейшей трансформации ее личности.

В спектакле грибоедовцев она не была изначально порочным существом, испорченность которого до времени скрыта. Отнюдь. Априори Екатерина Ивановна – чистый и честный человек. Просто она, как писал сам Леонид Андреев, «танцующая женщина»... Такие, как она, «танцующие», легче всего ломаются, когда их гармоничное «кружение» грубо прерывается. Именно это и происходило с Екатериной Ивановной, какой ее играла Людмила Артемова-Мгебришвили. Красивый, чистый, цельный человек попадал в обстоятельства, разрушающие красоту, чистоту и цельность.

...Через весь спектакль проходила тема крыльев, полета. Руки-крылья Екатерины Ивановны поднимались и... падали как плети. Она хотела, но не могла взлететь. Несколько раз по ходу действия Екатерина Ивановна, раненая, больная птица, подходила к окну, движимая желанием выпорхнуть, вырваться. Чего она хотела? Свободы, смерти, Голгофы? Ее крылья-руки были бессильны, слабы... Но в финале Екатерина Ивановна прорывалась сквозь тьму в свет, взлетала на своих кроваво-красных (окровавленных?) крыльях, восходила на Голгофу.

«Актриса Людмила Мгебришвили в роли Екатерины Ивановны убедительна, сильна,

интересна. Она борется за свою жизнь до конца. Зрелище это не для слабонервных, и спасибо актрисе за то, что она показала нерв своей героини, ее дух, который, как Феникс, возрождается от сцены к сцене, до самого трагического финала. Находящаяся в расцвете своего дарования актриса владеет всей палитрой изобразительных средств – роль Екатерины Ивановны все равно не позволит этого сделать: она требует от актрисы полной самоотдачи», – писал Важа Брегадзе на страницах газеты «Вечерний Тбилиси».

Просматриваю давнее интервью Л. Артемовой, в которой она говорит о своем отношении к героине. «Это стопроцентная женщина. Я отношусь к Екатерине Ивановне с большим сочувствием». Там же она сказала о мечте всей жизни – сыграть Настасью Филипповну из романа Ф. Достоевского «Идиот». «Один из моих любимых образов!» – поделилась сокровенным актриса.

Настасью Филипповну Людмила Артемова, увы, не сыграла – зато в ее судьбе случилась роль, о которой мечтают многие актрисы – Раневская. «Эта роль номер один в мировом репертуаре. Для любой актрисы сыграть Раневскую – просто подарок судьбы. И у меня это произошло!» – говорит актриса.

А до этого была Шарлотта в том же спектакле «Вишневый сад» Г. Кавтарадзе. Получилась нестандартная, нетрадиционная героиня. Ее хорошо приняли на чеховском фестивале в Таганроге, отметила московская критика. «У меня было стереотипное представление о Шарlotte Ивановне. Но потом я поняла, что это очень одаренная женщина с несостоявшейся судьбой. В исполнении других актрис Шарлотта Ивановна была мужеподобной или нелепой, а мы сделали ее интересной...».

Я хорошо помню элегантную, яркую Шарлотту Людмилы Артемовой... как и Эльмиру из спектакля «Тартюф» Мольера в постановке А. Джакели.

Эльмира в исполнении Л. Артемовой была очень красива и соблазнительна, но цинична и

порочна во всех своих поступках. Она вела нечистую игру и связывала с Тартюфом тайные надежды. Эльмиру не устраивал брак Тартюфа с Марианной, потому что ею двигал личный интерес...

Следует отметить, что Людмила Артемова интересна не только в ролях героинь – ее острохарактерные образы также всегда пользовались успехом.

«В молодости мне отвели амплу «героини», а хотелось характерных, комедийных ролей. Такую роль мне поручил Сандро Товстоногов в постановке «Точка зрения», – вспоминает актриса. – Сначала он не видел меня в этом образе. Я была очень молодая, худенькая, хорошенькая. А моя героиня была из простой семьи алкашей. Так что это была острохарактерная роль, вразрез с моей актерской индивидуальностью. Людмила Карлова играла это блистательно, великолепно. Я так любила этот спектакль, что смотрела его много раз. Как будто что-то чувствовала. На одном из спектаклей в антракте я встретила двух своих педагогов – ассистентку Бориса Бабочкина, педагога по актерскому мастерству Полину Ивановну Лобачевскую, и педагога по истории изобразительных искусств Паолу Дмитриевну Волкову. Две гениальные женщины, известные в Москве. Полина Ивановна, жгучая брюнетка, славилась своей красотой и элегантностью, была умна, иронична. Она курила дорогие сигареты, ходила с золотой зажигалкой, была вся из себя такая «несоветская». Позднее она рассорилась с Бабочкиным и ушла преподавать на Высшие режиссерские курсы. Паола Дмитриевна Волкова тоже была умнейшей, интереснейшей, образованнейшей, продвинутой женщиной. Одна из немногих людей, которые оставили глубокий след в моей жизни. Паола Дмитриевна очень много мне дала в смысле образования, информации, понимания не только изобразительного искусства, но – жизни.

Эти две удивительные женщины отдохали в Бакуриани и решили прийти на спектакль

Сандро Товстоногова. Увидев меня в антракте, Полина Ивановна спросила: «Почему не ты играешь эту роль?» «Она не для меня!» – ответила я. «Это стопроцентно твоя роль! – возразила Лобачевская. – Я скажу! Ты же характерная актриса!» Действительно, на курсе самой удачной моей работой была роль Катарини в спектакле «Угрошение строптивой». За нее Сергей Аполлинариевич Герасимов поставил мне пять с плюсом. Помню, как Борис Бабочкин объявлял отметки и сказал: «Артемова – пять!». А Сергей Аполлинариевич Герасимов добавил: «С плюсом!». Потому что мне больше удавались роли характерные. И вот по протекции Полины Ивановны Сандро ввел меня в спектакль «Точка зрения». Я легко ввелась в этот спектакль, потому что хорошо знала и любила эту постановку и была, так сказать, в теме».

Именно в этом качестве – характерной актрисы – Артемова предстала в спектакле «Жизнь прекрасна!» по рассказам Чехова в постановке Авто Варсимашвили. Она выступила в дуэте со Станиславом Натенадзе в инсценировке юмористического рассказа «Хороший конец», в котором оба создали сочные образы, демонстрируя недюжинное комедийное дарование. Артемова замечательно сыграла сваху.

Такую же сводницу, только кавказского разлива, Людмила Ивановна сыграла в спектакле «Ханума» А. Цагарели (режиссер А. Варсимашвили) и снова блеснула даром характерной, комедийной актрисы. Ее Кабато была зажигательна, колоритна и составляла сильную конкуренцию самой Хануме.

Люся Артемова была органична и в стилистике абсурда театрального хита начала 2000-х «Рашен блюз» (реж. А. Варсимашвили), в основе которого – проза Виктора Ерофеева, Юза Алешковского, Виктора Астафьева. Людмила выступила в инсценировке скандально известного рассказа «Жизнь с идиотом» Виктора Ерофеева.

К счастью, Людмила Артемова-Мгебришвили и в кино успешно снимается – не зря

«А.Л.Ж.И.Р.»

ведь получила прекрасное кинематографическое образование. И все-таки главным в жизни актрисы остается театр. Еще – замечательная семья: сын, внуки... Но это, наверное, тема для другого материала. А сегодня хотелось поговорить о Люсе именно в связи с ее профессиональными вершинами. Многое осталось за пределами этой публикации. Но это не беда. Ведь главное у заслуженной артистки Грузии, обладательницы престижной медали Пушкина, впереди! Актриса в прекрасной творческой форме и готова к новой работе, новым ролям, самым неожиданным предложениям режиссеров.

Не могу не отметить одно качество актрисы – отзывчивость. Это проявляется и в работе – в том, как она строит свои отношения с партнерами на сцене и вне ее, как готова поддержать начинающих артистов, друзей, прийти каждому на помощь в трудную минуту – советом и делом, протянуть свою надежную руку. А в том, что она действительно надежная, не подложит сомнению. Многие могли убедиться в этом на собственном опыте.

Поздравляем Людмилу Ивановну и желаем актрисе вдохновения, новых творческих открытий и крепкого здоровья на радость всем поклонникам ее таланта и красоты!

Артист – это чистый лист

Гоги Туркиашвили – актер с богатой биографией. В 1974 году он окончил Грузинский государственный театральный институт им. Ш. Руставели. И сразу же стал соучредителем, вместе с режиссером Сандро Мревлишвили, Молодежного театра «Метехи». Надо сказать, что театр поначалу располагался в Метехском храме. И хотя молодому актеру было что играть (например, роль Клавдия в спектакле «Гамлет»), через три года он перешел в театр Руставели. Говорят, что некоторые актеры ушли из «Метехи» потому, что осознали – грешно играть спектакли под сводами храма. Может быть, в их числе был и Гоги Туркиашвили...

Одной из самых его заметных ролей на сцене Руставелевского стала роль Глостера в «Короле Лире» в постановке Роберта Стура. Спустя десятилетия ему случилось снова войти в эту же реку – Туркиашвили сыграл Глостера в международном проекте Грибоедовского театра и Ереванского ТЮЗа – спектакле «Король Лир» в постановке Акопа Казанчяна, приуроченном к 450-летию со дня рождения У. Шекспира.

«Если сравнивать этих двух Глостеров, – рас-

сказывал актер, – то герой ереванского спектакля человечнее и потому вызывал сочувствие. Глостер у Роберта Стура был более циничным. По моему мнению, артист должен оставаться чистым листом. Определяющий фактор – это замысел режиссера. Поэтому при сценическом воплощении я стараюсь быть открытым для абсолютно любой идеи».

С 2006 года Гоги Туркиашвили служит в Театре Грибоедова. В его послужном списке – «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, «Хранители нашего очага» М. Ладо, «Английский детектив» А. Кристи, «Карьера Артуро Уи» Б. Брехта, «Нахлебник» И. Тургенева...

А еще за его плечами – роли в кино и интересная работа на телевидении.

Да, действительно, этот артист, как чистый лист, открыт любым ролям и способен воплощать самые разные образы. Нам остается только пожелать, чтобы новых ролей у Гоги Туркиашвили было как можно больше!

Поздравляем батони Гоги с юбилеем! Здоровья, долголетия, благоденствия!

■

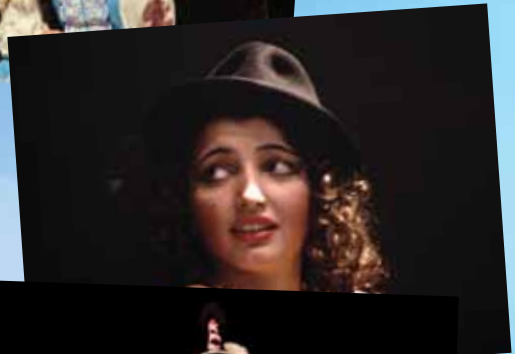
СВЕТЛЫЙ ТАЛАНТ

Медея Мумладзе молода и очаровательна. А объяснение ее молодости и очарования не в возрасте, а в характере.

В 2010 году она окончила актерский факультет Грузинского государственного университета театра и кино им. Ш. Руставели, и сразу же была принята в труппу театра.

Сейчас в ее активе – 12 спектаклей. Прежде всего – это, конечно, сказки. В Медею столько света и обаяния, что представить себе спектакль для детей без ее теплой улыбки просто невозможно. Она играет в «Сказке о царе Салтане» А. Пушкина и «Морозко», «Аленьком цветочке» С. Аксакова и «Алых парусах» А. Грина, «Двенадцати месяцах» С. Маршака и «Маугли» Р. Киплинга, «Коньке-Горбунке» П. Ершова и «Дюймовочке» Г.-Х. Андерсена. Но этим ее репертуар, конечно, не исчерпывается. Среди ее ролей – персонажи Шекспира, Брехта, Достоевского, Толстого... Недавняя премьера спектакля «Васса Железнова» М. Горького и образ Натальи в исполнении Медеи Мумладзе вновь напомнили, что перед нами – талантливая драматическая актриса с огромным творческим потенциалом.

Есть у Медеи еще один талант – она может ввести нового актера в спектакль (в котором за-

нята, конечно) на любую роль. И такое бывало не раз. Вот – недавний пример. На одном из спектаклей в театре случилось ЧП – исполнитель главной роли получил травму. А через час – второй показ. Что делать? Отменять спектакль? В зале – аншлаг. Решили ввести другого артиста. Артист не подкачал. Но вела его, по-партнерски умело и вдумчиво в течение всего спектакля Медея. Она помнит все мизансцены, все реплики всех героев спектаклей, в которых участвует.

Творческий потенциал Медеи Мумладзе настолько велик, что поистине ищет выхода в разных сферах. Недавно она стала членом Всемирной ассоциации гидов. Медея очень любит путешествовать и так хорошо знает историю и культуру своей страны, что теперь проводит большие экскурсионные туры по всей Грузии (разумеется, в свободное от службы в театре время). Не сомневаемся, что ее экскурсии – это тоже спектакли.

Поздравляем Медею Мумладзе с круглой датой! Желаем много новых ролей, радостных и светлых лет!

О царевне-лягушке, Василисе Премудрой, Иване-царевиче, старичке и других

■ Архимандрит Адам АХАЛАДЗЕ

Почему у людей не всегда высокие порывы?

С чего бы это, мы – чело-век и – порой не стремимся к возвышенному, горнему, прекрасному?

По какой причине, найдя удобное и благоустроенное для нас место, просиживаем там Богом данную жизнь, забыв об ответственности перед ближними, всеми людьми, родной страной, Всевышним?

Да, очень часто, сидя в болотной жиже, мы и не думаем, что пора выбраться из нее. Но что тогда, если мы себя отождествляем с лягушкой, которая довольна, что тут столько мух, комаров, мошкар, жуков, червей?.. Вот какая компания!

Однако возражат: чем это, извольте, плоха жизнь лягушачья?

Уже хорошо! У нас с вами возник вопрос, ответ на который каждому надо найти самому.

Другие скажут в вопросительном наклонении: вы одинаково непочтительно обо всех лягушках думаете? А царевна-лягушка?

Забыли небось?!

Нет же, не забыл. Скорее наоборот. Как раз о ней и хотелось мне с вами поговорить. Кто не читал, а до того – будучи ребенком, не начинал, затаив дыхание, слушать: *«В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь с царицею, у него было три сына – все молодые, холостые, удалцы такие, что ни в сказке сказать, ни пером написать»*.

О чем эта сказка? Простой ли это сказ? Не берусь ответить на все подобные вопросы, однако позвольте пересказать мне свое прочтение, мысли, толкования, ассоциации...

Как случилось, что душа-девица стала лягушкой?

Старичок рассказал Иванушке да и нам, что *«Василиса Премудрая хитрей, мудреней своего отца уродилась; он за то осерчал на нее и велел ей три года квакушкой быть»*.

Об этом многие из вас как раз и забыли – о родительском проклятии и наказании. Может быть,

все-таки, чтобы не возгордиться царевне, родитель об этом заботился?! Может быть, помощи Боже, все-таки для смирения дочери царь-родитель так поступил! Или это древнее и жестче царя, и безжалостнее, короля Лира отречение от своей кровинушки Василисы-Корделии?

Василиса Премудрая же не собирается оставаться среди лягушек, даже если они царицей ее изберут. Она стремится, она готовит себя, она все делает, чтоб оказаться в царском дворце – там, откуда она родом...

Помните?! Стрела старшего брата, как наша сказка рассказывает, упала против терема, стрела среднего брата остановилась у красного крыльца, а младшего, Ивана-царевича стрела никуда не упала – ее подхватила лягушка-квакушка.

Подхватить стрелу! Вот придумали! А ведь тут и ответ на наши сомнения. Не спала лягушка, не дремала, не глотала насекомых, а ждала этот миг и не упустила благоприятную возможность – подхватила стрелу, которую послала ей судьба!

Нам бы каждому подхватить наши стрелы! Куда нам – возражат. Нам бы на боку полежать, помечтать – и то лень. Нам бы поворчать, с чего бы себя в зеркале разглядывать!

И все-таки вернемся к урокам царевны-лягушки.

Нам бы помнить, что мы родом из Царского Дворца – Царствия Божьего! Следовательно, нам всегда надо, чтобы тянуло туда, чтобы мучила ностальгия по Небесам, а наши стремления должны быть не только словесными, а действительными. Наши действия – вся наша жизнь: наши падения и взлеты, надежды и отчаяния, успехи и неудачи, победы и поражения, вера и неверие!

Может быть, история царевны-лягушки – это история наших душ?!

Да, это душа, которая разными путями проходит свой путь ко спасению. Об этом Иоанн Златоуст в Четвертой Беседе о Статуях, говоренной к Антиохийскому народу, рассуждает

таким образом:

«Как золото сохраняет свой блеск и тогда, когда лежит в воде, и еще светлее делается, когда брошено в горнило, напротив глина и сено, и упав в воду, первая расплывается, а последнее гниет, попав же в огонь, первая засыхает, а последнее сгорает: так и праведник и грешник, – первый, и наслаждаясь покоем, остается светлым как золото, погруженное в воду, и подвергшись искушению, делается еще светлее, как золото, испытываемое огнем, а грешник, и вкушая покой, расплывается и гниет, как сено и глина, брошенные в воду, и подвергшись искушению, сгорает и гибнет, как сено и глина от огня».

Выйти замуж за Ивана-царевича – судьба. И она сулит много неожиданностей, на то и судьба. Вот и царевич, недовольный и оскорбленный тем, что квакушка в жены досталась-то ему, а не кому-нибудь другому, например, его же братьям, – он вдруг становится очевидцем Чуда, которое происходит опять-таки с ним, а не с кем-нибудь другим, Чуда – исполнения его заветного желания, даже вожделения, чтоб закончился этот кошмар, это непонятное ему страдание-наказание – супружеская жизнь с лягушкой. Он видит, что обернулась лягушка в царевну, да еще царевну лучше всех. Вот и Иван-царевич, улучив минуту, бежит домой, боясь, что его счастье может исчезнуть, как это бывало – Василиса и ковер соткала, и дивный хлеб испекла, а потом все в лягушку превращалась. Он лягушачью кожу бросает в огонь, думая, что так можно сжечь мосты с судьбой, можно изменить и будущее, и настоящее.

Что говорит нам сочинитель о поступке Ивана-царевича? Или как нам следует его истолковывать? Мне кажется, что Василиса в лягушачьей коже – это образ души еще не очищенной, не подготовленной для Царствия Божьего. А Иван-царевич, молодой человек, торопился по неопытности, пылкости своей, порывистости, вспыльчивости,

страстности, горячности.

Послушаем сказку: *«Приезжает Василиса Премудрая, хватилась – нет лягушачьей кожи, приуныла, запечалилась и говорит царевичу: «Ох, Иван-царевич! Что же ты наделал? Если б немножко ты подождал, я бы вечно была твоею; а теперь прощай! Ищи меня за тридевять земель в тридесятом царстве – у Кощея Бессмертного».*

Да, если б немножко подождал Иван-царевич! Но ведь все эти страсти – торопливость, пылкость, порывистость, вспыльчивость, горячность – мешают и благому рассуждению, и сердечной мудрости, и духовному взрослению. Ибо в духовных подвизех надобно иметь терпение, без чего нет смирения, нет и послушания. Да и любовь и уважение никак не помешают. Самоуверенность же царевича чуть не погубила все. Спроси Иван у Василисы совета, просто задав вопрос, как быть, что им вместе придумать для общего, ведь не только его счастья, не приключилось бы с ними обоими то, что пришлось пережить.

А царевич, увидев красоту царевны, больше не желает жить с лягушкой под одной крышей. Но не спешите осуждать его. Ведь так бывает и с нами, когда мы, только-только познавшие Бога, или вот-вот пришедшие в Церковь, или по счастливой случайности встретившись со Старцами (рука Божья нас привела), или почитав несколько

Евангельских строчек, – эти первые соприкосновения с Благодатью Духа Святого, первые опыты онтологических для человека ощущений присутствия Духа Святого, эти неземные духовные переживания многих из нас толкают к мысли, что мы что-то уже имеем, мы достигли духовности, мы – избранные! Если сам Бог, или пастырь или посланный Богом ближний не уберегут нас, мы можем впасть в духовное заблуждение, обольщение и обман, как Иван-царевич.

Только жизненный опыт – хождение за тридевять земель в тридесятом царстве к дубу самого Кощея Бессмертного и мытарства по возвращению Царевны – научил его, что один в поле (читай – в духовной брани) не воин. Неоднократно понадобилась помощь; тут как тут явились и медведь, и заяц, и селезень, и щука, и даже Баба-Яга костяная нога.

А свершилось все по совету-благословию Старца!

У нашей сказки счастливый конец. А что касается жизни, где нас сплошь и рядом преодолевают лезть самому себе, самообман, мечтательность, гордыня, мнение о своем достоинстве и совершенстве, порой так трудно и даже невозможно избавиться от духовного обмана.

«О Троице Единице Боже! Спаси нас от прелести, и искушений, и обстояний!»

Аминь.

«РОМАНТИЧЕСКАЯ ПРЕЛЕСТЬ» ДУШИ (Памяти Нателы Надибаидзе)

■ Мария ФИЛИНА

Эти слова из очерка самой Нателы Надибаидзе, обращенные к любимому городу, отражают сущность ее натуры. Пусть не прозвучат они с излишней патетикой – Натела действительно заслужила высоких эпитетов. Она полвека проработала на кафедре истории русской литературы Тбилисского государственного университета им. И. Джавахишвили. За пятьдесят лет сменились эпохи, уходило поколение, кафедра несколько раз меняла названия. Не менялась в самом главном Натела Григорьевна. Ее отношение к делу, к лекциям, студентам, друзьям и всему миру продолжало оставаться свежим, искренним и ярким.

Профессор Натела Надибаидзе была человеком блестящего образования и широких взглядов. Ее кандидатская диссертация и последующие труды были посвящены культурному значению и литературному наследию грузинских царевичей,

грузинской колонии в России в XVII-XVIII вв. Это малоизвестная донныне сфера, в которой Н. Надибаидзе удалось обнаружить и ввести в научный оборот несколько неизвестных и значительных документов. Работы заслужили высокую оценку ведущих ученых, в том числе академика Д.С.Лихачева. Интересы Н.Надибаидзе были весьма многозначны. Она исследовала Серебряный век русской литературы, грузино-русские взаимосвязи XIX-XX веков. В последние годы участвовала в польско-грузинских изданиях, ее эрудиция позволяла легко осваивать новую тематику.

Натела была прекрасным переводчиком, она приобрела огромный опыт работы в издательском отделе ИМЭЛа, свободно переводила с русского на грузинский и с грузинского на русский.

Она могла часами читать стихи Цветаевой, Блока, Мандельштама, наизусть знала Ах-

матову. Натела Григорьевна вела историю русской литературы, историю русской эмиграции, грузино-русские литературные контакты, свой авторский курс «Русская литература в контексте западноевропейских литератур», одинаково свободно и вдохновенно на русском и грузинском языках. Передавала студентам не только знания, но и поклонение поэзии. Сейчас, после ее ухода, возник вопрос: а кто может читать эти предметы на грузинском так, чтобы оба языка, обе культуры были родными? Это поколение уходит, а замены практически нет.

Натела Надибаидзе принадлежала двум культурам. Как мало уже осталось среди нас людей, которые впитали в себя лучшее из разных культурных миров... Она глубинно знала грузинскую литературу, всеми традициями и менталитетом принадлежала своему народу. И была воспитана, пронизана русской литературой, несла в себе сомнения, противоречия, повышенную этичность и совестливость русской словесности.

Натела была романтиком и большим ребенком. Сочетание абсолютной порядочности с щепетильностью очень трудно для его обладателя в наши времена. Натела и жила трудно. После разрушительного сокращения кадров в ТГУ в 2006 году она, как и многие наши коллеги, оказалась вне штата. К счастью, удалось пригласить ее по контракту. Для одинокого человека в финансовом плане это крохи. Но, видимо, редкостные черты натуры позволяют черпать радости в иных глубинах бытия, а не быта, и Натела продолжала восхищаться жизнью. Помогало чувство юмора и способность подтрунивать над собой. У нее не было своих детей и огромный потенциал любви она реализовала в своих племянниках, родных, друзьях и студентах. Натела умела дружить, проблемы близких сразу становились ее проблемами – какая же это редкость!

До последнего дня Натела интересовалась, как сдают экзамены ее студенты и просила меня и Майю Тухарели: «Не обижайте их». И о каждом расспрашивала подробно: как сдавал, как написал реферат, как идет работа над дипломной. Трогательно благодарила нас за своих подопечных.

Ощущая тончайшие детали человеческих отношений, Натела умела по, казалось бы, мелкому штриху определить человека. И судила по четкой шкале – «сказочный» или «мерзкий». Такое черно-белое определение как бы противоречило ее способности улавливать нюансы. Если не принимала человека, было ясно сразу же. А в итоге оказывалась права. В ней работал «вмонтированный» природой камертон по определению человеческих качеств.

Натела была патриоткой Тбилиси, не только любила, но и знала свой город, воспринимала его поэтически, как и весь мир... Она вспоминала, что в годы работы в ИМЭЛе ее просили сопровождать гостей. Самых именитых для своего времени. Неудивительно, ведь каждый экскурсант становился причастным к потаенным уголкам Тбилиси, собраниям его музеев, которые она знала досконально. Это чувство сопричастности тоже было даром Нателы.

В конце 1990-х Н. Надибаидзе опубликовала в эстонско-французском литературно-художественном журнале «Look» очерк о Тбилиси. Хочется, чтобы с ним ознакомились тбилисцы. К сожалению, я не знаю, в каком номере он был опубликован, но надеюсь, коллеги из журнала простят нас, в интернете данных нет.

С уходом Нателы Надибаидзе не только ее близкие, коллеги и студенты, но весь Тбилиси и грузинская культура утратили свою прекрасную частицу.

ТБИЛИСИ. ЕСТЬ ТАКОЙ ГОРОД

■ **Натела НАДИБАИДЗЕ**

«...Труднее всего рассказывать о каком-нибудь городе, тем более своем. Всегда чувствуешь, что не в состоянии поведать и сотой доли того, что хотел бы. Города – это миры нашей планеты, города – это далекое прошлое, и сегодняшней день, и наше будущее...»

Чингиз Айтматов

Есть город поистине необычный. Человека, идущего по его улицам, сопровождает смутное ожидание нечаянной встречи, а в переулках тревожит какая-то вечная неисчерпаемость загадки, скрытой в крутых склонах, непрерывных спусках и подъемах, деревьях и храмах, занавешенных балконах, распахнутых дворах и кирпичачах, обожженных в незапамятные времена.

Не только величина делает город великим, не только богатство музеев и многочисленность населения. Безусловно, все это немаловажно. Но есть нечто, объединяющее его жителей. Чем-то неуловимо роднящее их лица со всей многоликостью города. И некая архитектурная целостность, то единство, которое незримо воспитывает и лепит человеческие характеры и судьбы.

И природа здесь как бы сливается с творением рук человеческих, накладывает свой отпечаток на улицы и площади, дома и соборы, удивляющие сплавом

свободных и разных пропорций, иногда исчисляемых столетиями, сплавом, который придает городу особую романтическую прелесть, какой-то особый и неповторимый колорит. Александр Дюма-отец, побывав в Тбилиси, признавался, что на каждом шагу испускал крики радости, а Петр Чайковский писал, что вспоминал Тбилиси, как сладкий сон.

Тбилиси – город поэтов, художников, город, живущий в своей первозданности и воскрешающийся в стихах и картинах. В этом городе, где все привыкли знать всех, где имена актеров, писателей, певцов всегда были достоянием толпы, знавшей их в лицо и называющей по именам и прозвищам, издавна бытовало некоторое суетное пренебрежение к своим, исконным, рожденным собственными буднями. Это свое должно было вознестись очень высоко и получить самую лестную оценку со стороны (в Париже, Петербурге, Мюнхене, Милане), чтобы ему поклонялись и дома.

В этом городе, где потребность выражать себя в творчестве почти сравнялась с насущной необходимостью, каждый второй привык почтять талант за нечто разумеющееся, обыденное, а искусство – за составную часть повседневной жизни, как бы не требующей какого-то особого внимания, особой заботы.

Предчувствие встречи с этим городом жило в стихах побывавших здесь поэтов, которые щедро дарили ему свой талант. Поэзия – частица воздуха, которым пропитан этот город. Эта поэзия в дымке, окутывающей город, когда смотришь на него с седой горы Мтацминда, в домиках, как ласточкины гнезда лепящихся на крутой скале над Курой, в величественных в своей простоте и скромности храмах, в многоликости и многоязычности толпы на его улицах.

Тбилисцы – это особый народ. Много тяжелых, жестоких дней и событий пришлось перенести им не только в прошлом, но и в настоящем. Превратности судьбы, выпавшие на долю грузин и Тбилиси за последние годы, наложили суровый отпечаток на его колорит.

И не только колорит.

Никогда раньше на улицах Тбилиси не было столько протянутых за подаванием рук. Не было столько угрюмых лиц. Никто раньше не мог бы представить, чтобы интеллигентного вида люди, смущаясь, перебирали содержимое мусорных баков, чтобы дети при живых родителях просили милостыню. Увы. Все это теперь тоже наш город. На домах в центре тбилисской столицы, хоть и перекрашенных, можно разглядеть вмятины от пуль

– память о трагических событиях, происшедших в Грузии по чужой воле и чужому сценарию.

Город заполнили беженцы из Абхазии и Цхинвали. Это уже не улицы старого города, это уже другой город. Но это тоже Тбилиси, который, несмотря на все, сумел сохранить надежду, оптимизм, юмор.

И даже в такой ситуации тбилисцы остаются тбилисцами. Отец одного из выдающихся поэтов, некогда известный в городе человек, как-то, вернувшись с прогулки, сказал: «Видно, настал мой черед, пора уходить... Больше двух часов простоял на Руставели, и никто не поздоровался со мной, не встретил ни одного знакомого...». Это тоже знамение времени.

Но все же истинные тбилисцы на все умеют смотреть с иронией, на все отвечают шуткой. Одного известного своим остроумием человека, идущего по проспекту Руставели в потрепанных и протертых брюках, нагнал знакомый и с укоризной указал на его непрезентабельный вид. А тот улыбнулся: «Друг, посмотри налево: видишь, гора Мтацминда и фуникулер, посмотри направо: прекрасный Лурджи Монастери (Синий Монастырь – один из красивейших в Тбилиси). Посмотри прямо: памятник Руставели. Так что же ты уставился на мои протертые брюки, тебе не на что больше смотреть?»

И это тоже Тбилиси.

Ко всему происходящему у грузин свой соб-

ственный подход, свое видение и осмысление событий.

В уже упомянутые тяжелые годы, пережитые в недалеком прошлом, в Грузии появилось несколько новых памятников, не связанных с этими трагическими событиями. Один из них – Берикаоба. На площади в старом городе изображена танцующая группа людей, ряженных, одетых в скомошьи костюмы.

Казалось бы, странно? Но это тоже Тбилиси. И, конечно, таких людей, отвечающих на боль и горе весельем, не так уж легко сломить. В этом вековая мудрость народа.

Все, кто когда-либо писали о Тбилиси, начинали, как правило, с легенды о его основании. О том, как царь Вахтанг Горгасал, охотясь в тех местах, где сейчас стоит город, подстрелил лань. И как раненая лань чудесным образом исцелилась благодаря теплым целебным источникам, которыми так обильна эта земля. И город получил свое название от слова «тбили» – теплый. Вероятно, эта легенда возникла неслучайно. И кто хоть раз побывал в Тбилиси, не сможет не подтвердить этого: какое-то необъяснимое тепло и очарование остаются в памяти тех, кто побывал здесь и унес это с собой навсегда.

Если смотреть на Тбилиси с горы Мтацминда, то первое, что бросается в глаза, это обилие церквей, монастырей. И неудивительно, что на этом маленьком островке рядом с куполами христианских храмов, как равные, высятся мечеть и синагога. Недаром в одной из самых популярных в Грузии песен поется: «Молись там, где тебе угодно». Действительно, будь тем, кто ты есть. Верь в то, во что веришь. Молись там, где пожелаешь. Но не причиняй зла людям, которые с радостью

принимают тебя, людям, с которыми никогда не будешь одинок. Складывается такое представление, что тебя здесь знают и ты всех знаешь.

Одна маленькая зарисовка.

На работу приходится ездить на одной и той же маршрутке (в последние годы в Тбилиси улицы заполнили микроавтобусы, это сейчас самый распространенный, удобный и недорогой вид транспорта в городе). И шоферам на этой линии, видно, уже знакомо мое лицо.

Однажды после работы мне надо было поехать по делу, и я не остановила проезжавшую мимо мою маршрутку. Машину остановил сам водитель, узнав меня. Я поблагодарила его и сказала, что не еду домой. И вдруг последовал строгий вопрос: «А куда?» И я, женщина даже уже не бальзаковского возраста, стала подробно объяснять, куда еду. И только когда машина отъехала, я поняла всю комичность ситуации. Не знаю, может ли еще в каком-нибудь городе произойти такое. Но у нас так бывает.

Плохо это или хорошо – не мне судить. Но, подумав, согласитесь: все же приятно, что люди считают своим долгом не пройти мимо, не остаться безучастными.

В Тбилиси, как и в любом другом городе, много хорошего, много плохого. Но нет равнодушия, нет безразличия, и ты постоянно ощущаешь свою сопричастность со всем, что здесь происходит.

И все же...

В этом городе, где, несмотря на пережитое, господствует счастливая, полудетская приверженность моменту, всегда представляется что-то, что есть сейчас, будет всегда, и некуда спешить, и никогда не будет поздно прийти.

Приходите!..

«Сезон охоты»

Театр Тамаза Чиладзе

■ Нодар ГУРАБАНИДЗЕ

К исходу двадцатого века неслучайно появилась общеизвестная фраза: «Кто не жил в шестидесятые, тот не жил вообще». То была чудесная эпоха и, используя перифраз известного высказывания, скажем так: «Ей нужны были таланты и она породила их».

Это было невероятное явление – из недр почти погасшей духовной жизни огромной страны неожиданно изверглось целое поколение одаренных, талантливых, смелых творцов во всех сферах литературы и искусства.

Тамаз Чиладзе был одним из ярких представителей того поколения, даже больше, одним из драматургов духовного климата тех лет. Сейчас я не буду ничего говорить ни о его блестящей лирике, ни о его новаторской прозе. В настоящем эссе, в основном, мы рассмотрим его

творчество с театральной точки зрения.

Тамаз Чиладзе всегда выделялся утонченным вкусом. Его одежда, манера поведения – отмечено вкусом. Даже в условиях общего дефицита он всегда носил лучшие рубашки, галстуки и обувь. Все было подобрано с таким чувством гармонической целостности, точно он был частым гостем известного французского или итальянского дизайнера.

Не чужда была ему богемная жизнь, не избегал он и безудержного веселья и дебошем его было не напугать. С головы до ног был джентльменом. Прекрасно образованный, начитанный, он никогда не кичился этим. Вся его сущность была пронизана чувством эстетики. И этот внутренний мир постоянно проявлялся. Он был наделен даром реалистично воспринимать

жизнь, но любил обращаться к мистификации, как будто жил в мире, придуманном им самим, и в то же время пронизывал внутренним взором свою игру.

Здесь была опасна малейшая наигранность, которая обычно ведет ко лжи, но он обладал безошибочной способностью в корне избавляться от нарциссизма.

Он был страстно влюблен в молодость. Хотел всегда оставаться молодым. Вероятно потому, будучи уже в возрасте, он давал в редакции газет и журналов фотографии молодых лет, подсознательно желая остаться в памяти таким, каким нравился самому себе.

Был одним из избранных интеллектуалов среди тех, кого я встретил на моем жизненном пути. У него рождались идеи не как абстракция, а как художественный образ. Когда наше

«Чинчрака»

знакомство переросло в дружбу, я понял, что он не просто интеллектуал в прямом смысле этого слова, а более философски глубок – понимал и в жизни, и в искусстве все.

***

В жизни Тамаза всегда была музыка. Он не пропускал ни одного симфонического концерта или концерта знаменитых пианистов (например, Святослава Рихтера). Глубоко чувствовал музыку Густава Малера. Имел почти все симфонические записи и часто слушал их. Думаю, что творения великого австрийского композитора привлекали его своим глубоким гуманизмом, трагизмом, где личность и судьба человека проходят через призму общечеловеческих коллизий. Так же он увлекался симфониями Антона Брукнера и с удовольствием слушал в его исполнении органное произведение Баха и Вагнера. Видимо, его привлекала полифония Брукнера, которой была пронизана его музыка.

Человек с такими эстетическими чувствами и поэтическим

видением, конечно же, рано или поздно должен был попасть в театр. Так и случилось. Тамаз Чиладзе стал востребованным драматургом. В театре Руставели были поставлены его пьесы (их было восемь!), ни один грузинский драматург не был удостоен такой чести. Он появился в театре в то время, когда там шел процесс обновления и перестройки, когда уже ложнопатетическому, так называемому «героико-романтическому» стилю противостояло реалистическое, жизненно-правдивое искусство. Т. Чиладзе вместе с этим театром прошел путь от реалистической драмы до гротескного абсурда.

Его первую пьесу «Аквариум» следует рассматривать в контексте напряженной борьбы в театре. В этот период он и его гениальный брат, который впоследствии стал «человеком театра», уже были любимыми поэтами молодого поколения. Поэтому премьеру пьесы Тамаза Чиладзе ждали с нетерпением. Это был театральный сезон 1965 года. На малой сцене театра Руставели уже поставле-

ны спектакли: «Чинчрака» М. Туманишвили (1963), Р. Стуруа «Перед ужином» (1963), «Вечер поэзии», где Отар и Тамаз Чиладзе читали стихи (1964). Именно на этой малой сцене и состоялся дебют драматурга Тамаза Чиладзе и режиссера Гизо Жордания.

«Аквариум» – пьеса камерной тональности, чей мир воплотился в аквариуме, где обобщенность и метфоричность образов предоставляет сценическому искусству большие возможности. В пьесе сталкиваются друг с другом человеческие желания и обстоятельства жизни, иллюзии и реальность, истинный смысл существования человека и иррациональная отчужденность. Равнодушие, эгоизм, фетишизм своей персоны, что абсолютно обесценивало духовные ценности. Благодаря силе нашего воображения стеклянные прозрачные стены аквариума раскрылись и поместили нас не в метафорический, а в грандиозный аквариум, где мы, как оказалось, обречены на существование в болоте. Чудовища, с нашего легкомысленного согласия опущенные в аквариум, в конце концов потребуют плату – нетленную душу в жертву. Так в пьесе раскрылись и обобщились наши конфликты «счастливой жизни», которые так старательно скрывались властями.

Из множества его пьес (здесь я не перечислю все, чтобы не получилось больше «перечня кораблей Гомера») я выделил бы пьесы «День свидания» и «Сезон охоты», а если выбирать из них лучшую, то это «День свидания». Обе пьесы блестяще поставил Роберт Стуруа.

Творческий тандем Тамаза и Роберта – отдельная тема. Здесь я подчеркну, что Т. Чиладзе одним из первых почувствовал новаторскую природу сценической режиссуры Роберта Стуруа, полярность его творчества, склонность к карнавальному представлению, парадоксам и абсурду. С учетом и осмыс-

«Сезон охоты»

лением всего перечисленного Тамаз Чиладзе создает пьесу «Роль для начинающей актрисы», которую блестяще поставил Роберт Стура. Эта пьеса выделяется из всех остальных своей театральностью, не только как представление, а своей сутью и душевным порывом. Главная героиня пьесы, талантливая, наивная, эмоциональная девушка неожиданно оказывается в театральном мире конфликтов, интриг и фарисейства, где разрушается ее любовь и развеиваются ее иллюзии. Этой девушке не дали возможность сыграть роль Офелии на сцене, и в жизни она «разыграла» трагический финал Офелии – покончила жизнь самоубийством. Контраст между реальностью и театральным представлением оказался намного тяжелее, чем трагизм каждодневности. Здесь сменяют друг друга игра театральные маски (которые прикрывают человеческое коварство) и чистота души. В конце игра заканчивается. Выход один – самоубийство.

«День свидания» – пьеса,

которая оказалась первой и, наверное, последней во всей грузинской драматургии – «театром абсурда». Где покойники и ожившие ведут диалог между собой, кто без головы ищет эту свою голову, но вокруг никто не замечает, что он без головы, кроме учителя плавания, который потребовал прыгнуть в воду головой. Здесь предметы потеряли свое первичное значение, зато приобрели новые разные функции. Фасад большого дома исчез, и мы видим странных жильцов, которых беспокоят странные желания и видения. Кто-то поднял на третий этаж машину «Волгу», а у кого-то в будуаре стоит гильотина, обезглавившая Робеспьера с надписью «Сделано во Франции», – как видно, историческая реликвия.

Пьеса «Сезон охоты» войдет в историю театра уже только тем фактом, что Роберт Стура этой своей триумфальной постановкой (2011 г.) вернулся из изгнания.

Действие пьесы целиком построено на мистификации персонажей, где фатальную роль

играют невидимые души «за гранью», которые по собственному желанию меняют местами предметы, а людей заставляют играть по тому же собственному желанию.

***

Тамаз обладал остро развитой творческой интуицией, столь обязательной для истинного человека искусства. Благодаря ей он достигал таких глубин любого художественного образа, как в живописи или музыке, так и в литературе, и видел все в таком неожиданном ракурсе, что перед вами как бы рождалось новое произведение. Это ярко проявлялось в его эссеистических письмах. Здесь же скажу, что он был одним из блестящих эссеистов, отличавшимся как рафинированным стилем, так и глубиной мышления. С этой точки зрения его исследование поэмы Ш. Руставели «Заметки лепестков роз» поражает своими новыми концепциями и раскрытием поэтических тайн. Творческая оригинальность Тамаза Чиладзе со всей полнотой проявляется в его статьях о Ладо Гудиашвили, Пиросмани, Кафке, Поликарпе Какабадзе. Здесь он обнаруживает множество скрытых слоев и незамеченных деталей в их творчестве.

Его эрудиция и вкус видны в те годы, когда он редактировал журналы «Сабчота сакартвело» («Советская Грузия») и «Мнатоби» («Светоч»), и руководил «Семинарами молодых драматургов» (Пицунда-Кобулет). Он сразу и безошибочно угадывал талант молодого драматурга и при разборе пьесы предлагал столько вариантов импровизаций, что перед нами появлялись контуры нового произведения. А дальше нужно было воплотить лучший вариант, но в этом-то и заключалась сложность – без таланта это было невозможно.

Я не сомневаюсь, что лишь со временем мы осознаем, какую масштабную утрату понесла грузинская культура в лице Тамаза Чиладзе.

SINCE 1884

SARAJISHVILI

სარაჯიშვილი

აზერბაიჯანის რესპუბლიკის კულტურის სამინისტრო
რუსული დრამატული თეატრი

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
РУССКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР

გრიბოედოვის თეატრის სცენაზე
НА СЦЕНЕ ГРИБОЕДОВСКОГО ТЕАТРА

ინგმარ ბერგმანი

შემოდგომის სონატა

ИНГМАР БЕРГМАН

ОСЕННЯЯ СОНАТА

ილგარ საფატი
დამდგმელი რეჟისორი

ИЛЬГАР САФАТ
РЕЖИССЕР-ПОСТАНОВЩИК

ბილეთების შეკენა დაჯავშნვა:
ЗАКАЗ И ПРИОБРЕТЕНИЕ БИЛЕТОВ:

(032) 2 931106

22 ნოემბერი
НОЯБРЯ
19:00